
А. М. РАНЧИН

Московский государственный университет, Россия

К вопросу о поэтике времени в Житии протопopa Аввакума: функции *praesens historicum*

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена семантико-композиционной роли форм *praesens historicum* в Житии протопopa Аввакума. Употребление *praesens historicum* Аввакумом может выделять переломный момент в душевном состоянии отдельного лица. С помощью глаголов в *praesens historicum* выделяются реплики как Аввакума, так и других действующих лиц — высказывания, которым автор Жития придает особенный смысл. Композиционная функция *praesens historicum* в Житии протопopa Аввакума — обозначение кульминации и/или развязки в сюжетах эпизодов. Если до Епифания Соловецкого и Аввакума употребление *praesens historicum* в древнерусской книжности было мотивировано объективной значимостью обозначаемого им состояния или события, то у создателей обоих автобиографических житий, но у Аввакума в несоизмеримо большей мере, чем у его союзника по пустозерскому темничному сидению, само использование настоящего исторического становится средством надления соответствующего действия или ситуации значимостью. И Епифаний Соловецкий, и Аввакум предпочитают использовать формы настоящего исторического с процессной семантикой, в чем проявляется связь с письменной некнижной традицией и устным нарративом. Аввакум часто стремится к актуализации процессного (дуративного и итеративного) смысла глаголов, как бы задерживая, «растягивая» действие или наделяя однократное событие потенциальной повторяемостью. При этом в формах *praesens historicum* оказывается возможным писать о самых разных действующих лицах: Аввакум в отличие от Епифания, акцентирующего с помощью глаголов в настоящем историческом только действия сверхъестественных сил и собственные переживания и ощущения, не эгоцентричен. Аввакум, не отбрасывая конвенций, принятых в церковной книжности, делает их соблюдение или нарушение предметом свободного выбора. Вместе с тем он, во многом ориентируясь на форму устного нарратива, не подчиняет полностью свое повествование и принципам устного слова, сказа. Используя формы настоящего исторического как маркер, выделяющий особенно значимую информацию, Аввакум, по-видимому, учитывает употребление таких форм в житиях; обозначая с их помощью длящиеся процессы и действия и создавая зримые сцены, он ориентируется на некнижную письменность и на устный нарратив, в том числе, видимо, на Житие и рассказы старца Епифания. Аввакум одновременно творит в рамках традиции и взрывает ее изнутри.

Ключевые слова: *praesens historicum* (настоящее историческое, настоящее нарративное), процессное и событийное значения, дуративность, итеративность, древнерусская агиография, древнерусские автобиографические повествования, сочинения Епифания Соловецкого, Житие протопopa Аввакума, диалоги, сюжетно-композиционная функция настоящего исторического, новаторство.

Andrey M. Ranchin (Moscow State University). On the Poetics of Time in the *Life of the Archpriest Avvakum*: The Functions of the Historical Present

ABSTRACT

The use of the historical present by Avvakum can mark a turning point in the state of mind of a character in his text. With the help of verbs in the historical present, the replicas of Avvakum and other characters are distinguished as statements to which the author of the *Life* gives a special meaning. The compositional function of the historical present in the *Life of the Archpriest Avvakum* is to designate the culmination and/or denouement in the plots of episodes. Before Epiphanius Solovetsky and Avvakum, the use of the historical present in Old Russian texts was motivated by the objective significance of the indicated state or event. Both Epiphanius Solovetsky and Avvakum prefer to use forms of the historical present with process semantics. This usage betrays its connection to the written tradition other than book-writing, and also to oral narratives. Avvakum often seeks to actualize the process (durative and iterative) aspect of verbs, as if delaying, “stretching” the action or endowing a single event with potential repeatability. But the use of the historical present in the *Life* is motivated by the point of view of the narrator deciding what exactly should be removed from the stream of time. Without discarding the conventions adopted in church books, Avvakum makes their observance or violation a subject of free choice. When using forms of the historical present to highlight particularly significant information, Avvakum seems to take into account the use of such forms in lives of saints. However, when designating with their help ongoing processes and actions and creating vivid descriptions, he is guided by non-book writing and oral narratives, including, apparently, the *Life* and stories by Epiphanius. Thus, Avvakum simultaneously works within the framework of the tradition and explodes it from within.

Keywords: historical present, process and event aspects, durative aspect, iterative aspect, Old Russian hagiography, Old Russian autobiographical narratives, works of Epiphanius Solovetsky, *Life of Archpriest Avvakum*, dialogues, plot and compositional function of the historical present, innovation.

Нижеследующий текст посвящен семантико-композиционной роли форм *praesens historicum* в Житии протопопа Аввакума, а не собственно лингвистической проблеме определения значений, присущих таким формам в этом памятнике. Я не обращаюсь к другим сочинениям пустозерского узника, хотя в них также содержатся выразительные примеры использования этих форм. Если простые претериты (аорист и имперфект) и перфектные формы в памятниках, вышедших из-под пера поборника «древлего благочестия», оказывались неоднократно предметом исследовательского внимания,¹ в том числе в связи с жанровыми установками того или иного произведения,² то текстовые функции настоящего исторического в его Житии в этом аспекте, насколько известно автору этих строк, до сих пор не рассматривались.

¹ См.: Чернов В. А. Система глагольных форм в «Житии» Аввакума // Лингвистический сборник. Свердловск, 1963. Вып. 1. С. 45—70; Семаков В. В. О стилистической маркированности аориста и имперфекта в языке Жития протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 404—409. Timberlake A. Avvakum's Aorists // Russian Linguistics. 1995. Vol. 19. P. 25—43; Василькина Л. В. Типы глагольных основ и выражение ими видовых отношений в нижегородской письменности XVII в. (на материале произведений протопопа Аввакума). Автореф. дис. ... канд. ... филол. наук. Нижний Новгород, 1997.

² См.: Матхаузерова С. 1) Функция времени в древнерусских жанрах // ТОДРЛ. М.; Л., 1972. Т. 27. С. 227—235; 2) Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976. С. 110—128. В. М. Живов критически оценил принадлежащую С. Матхаузеровой трактовку семантики простых претеритов, с одной стороны, и перфекта — с другой, у Аввакума и, шире, в древнерусской книжности; см.: Живов В. М. История языка русской письменности. М., 2017. Т. 1. С. 870.

Praesens historicum, или настоящее историческое, или настоящее нарративное,³ — особое использование грамматических форм настоящего времени: «В настоящем историческом форма наст. вр. используется в рассказе о прошлом как средство образной актуализации прошедших событий: *Только, понимаешь, выхожу от мирового, глядь — лошадки мои стоят смирнехонько около Ивана Михайлова* (Бунин)».⁴ Глаголы настоящего времени употребляются в этом значении в ситуации повествования, названной Е. В. Падучевой нарративным режимом — в отличие от речевого режима, действующего в ситуации, когда событие и рассказ о нем синхронны (как, например, в спортивном репортаже).⁵ При этом опознавание форм настоящего времени именно как *praesens historicum* в письменном тексте в отличие от устного рассказа определяется существованием условной временной точки (или центра) — момента наррации, отождествляемого с настоящим. (В устном повествовании этой точкой будет сама ситуация рассказывания.) «Речь идет о том, что настоящее время в настоящем историческом означает совпадение не с моментом речи, а с текущим моментом текстового времени или с какой-то другой точкой отсчета. Говорящий и слушающий в таком случае замещены, насколько это возможно, повествователем и читателем».⁶ В случае, когда все повествование в литературном произведении, относящемся к разряду *fiction*, ведется в настоящем времени (экспериментальная проза, например французский «новый роман») или такой принцип наррации целиком используется в отдельном, изолированном фрагменте произведения — главе, части (ср. начальную часть романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»), формы настоящего времени не могут быть опознаны как *praesens historicum*.

Чтобы понять своеобразие употребления форм *praesens historicum* в Житии протопопа Аввакума, необходимо рассмотреть использование настоящего исторического в древнерусской письменности более раннего времени и современной автору Жития. Несколько десятилетий назад бытовало мнение, что в древнерусской письменности, в том числе в памятниках книжности, настоящее историческое появляется или, по крайней мере, начинает регулярно употребляться достаточно поздно. К. В. Горшкова и Г. А. Хабургаев, авторы известного учебника по исторической грамматике русского языка, утверждали: «Единственный древний текст, где форма настоящего времени

³ Термин предложен Е. В. Падучевой; см.: Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика вида. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика времени в нарративе. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. С. 289 и др. Термин Е. В. Падучевой может быть предпочтительным, так как указывает на связь с актом наррации и лишен ассоциаций с достоверностью событий, о которых рассказывается, — в отличие от определения *historicum* — историческое. Но я использую понятие *praesens historicum* — настоящее историческое — как по причине его традиционности, так и потому, что рассматриваемые в настоящей статье произведения древнерусской словесности повествуют о реальных, то есть признаваемых их авторами действительно бывшими (и в этом смысле исторических), событиях.

⁴ Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. С. 632. Здесь и далее все выделения принадлежат авторам цитируемых текстов за исключением подчеркивания в цитатах из древнерусских памятников.

⁵ См.: Падучева Е. В. Семантические исследования. С. 370—379.

⁶ Мишина Е. А. Настоящее историческое в восточнославянских памятниках XI—XV веков // Древние языки в системе университетского образования: Исследование и преподавание. М., 2001. С. 197, примеч. 1.

встречается как изобразительное средство (т. е. связана с описанием прошлого) — это „Слово о полку Игореве“: *Дьлго ночь мркнетъ заря свѣтъъ запала, мъгла поля покрыла...* (формы перфекта подчеркивают план настоящего: ‘поля *покрыты* туманом’). Но текст этот известен по списку XVI в., и мы не знаем, принадлежит ли отмеченный прием автору XII в. или он появился в ходе позднейшего редактирования (древнерусские тексты дают в этом случае имперфект от основы несовершенного вида)⁷. Исследования более поздних лет показали, что формы *praesens historicum* встречаются в древнерусской книжности уже в XI в.,⁸ а с XIV—XV вв., как явление в рамках второго южнославянского влияния, становятся достаточно регулярными.⁹ Ранний пример настоящего исторического содержится в списке XII в. Несторова Жития Феодосия Печерского, созданного, видимо, не позже 1088 или 1091 г.: «родиста же блъженаго дѣтища сего таче въ осмый днѣ принесоста и къ стѣно бжїю . <...> прозвутерь же видѣвъ дѣща и срдѣчьныма очима прозрѣа ѡже о немь. ѡко хочеть из млада богу дати са Ѳедосїемь того нарицають».¹⁰ Большинство случаев употребления настоящего исторического обнаруживаются в древнерусских текстах раннего периода, написанных на гибридном церковнославянском — в летописях и хождениях.¹¹ Примеры, относящиеся к XIV—XV вв., есть в Киприановской редакции Жития митрополита Петра, в Епифаниевом Житии Стефана Пермского, в житиях Кирилла Белозерского и митрополита Алексея, написанных Пахомием Сербом, в Пространной редакции Жития Михаила Клопского и т. д.¹²

В древнерусских письменных памятниках выделяются два типа *praesens historicum*, распределенные по языковым регистрам и различным жанрам по принципу дополнительной дистрибуции. В настоящем историческом нет грамматического противопоставления видов — в отличие от прошедшего времени «это различие формально не выражено: форма НСВ употребляется то в имперфективном значении (так сказать, в значении НСВ), то в событий-

⁷ Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. Учебное пособие для университетов. М., 1981. С. 318—319.

⁸ См.: Горбунова Е. А. (Мишина). Функционирование настоящего исторического в восточнославянских памятниках XI—XV веков // *AION Slavistica. Annali dell' Istituto universitario Orientale di Napoli. Sectione Slavistica. Napoli, 2000. Vol. 5 (1997—1998).* P. 251.

⁹ См. примеры и их анализ в работах: Шевелева М. Н. Состояние грамматической нормы употребления видо-временных форм глагола в книжно-литературном языке Северо-Восточной и Северо-Западной Руси XV—XVI вв. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1986; Иванова М. В. 1) Древнерусские жития конца XIV—XV веков как источник истории русского литературного языка. М., 1998. С. 102—106, 179; 2) Древнерусская агиография конца XIV—XV веков как источник истории русского литературного языка. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1998. С. 21; Духанина А. В. Морфологические нормы в сочинениях Епифания Премудрого (система глагола). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.

¹⁰ Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 73, стб. 27а—27б. Пример указан М. В. Новиковой: Новикова М. В. Особенности нарративных функций видо-временных форм в севернорусских былинах в сопоставлении с памятниками русской письменности XII—XVII вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. С. 12.

¹¹ См.: Мишина Е. А. Настоящее историческое в восточнославянских памятниках XI—XV веков // *Древние языки в системе университетского образования. Исследование и преподавание.* М., 2001. С. 197—212.

¹² Случаи использования *praesens historicum* в этих житиях рассмотрены в исследованиях, указанных в примеч. 9.

ном (так сказать, в значении СВ)».¹³ «Имперфективное», или, по Е. А. Мишиной, «процессное» значение, — это «одновременные действия в процессе их протекания», оно соответствует семантике формы несовершенного вида в современном русском языке. Пример из чеховского «Хамелеона»: «По базарной площади идет полицейский надзиратель Очумелов». «Событийное» значение — употребление «в функции совершенного вида». Пример: «В начале XIX века появляются первые механические часы».¹⁴ Широкое употребление настоящего исторического в событийном значении, по-видимому, начинается в период второго южнославянского влияния.¹⁵ Исследования Е. А. Мишиной и М. В. Новиковой (Гашневой) показали: «Данные памятников XII—XVII вв. позволяют предполагать параллельное существование на протяжении всего этого времени двух традиций употребления настоящего исторического. Одна из них представлена в церковнославянских текстах — она характеризуется употреблением презенса НСВ только в событийном значении и отсутствием презенса СВ. Такое настоящее историческое очень частотно в книжных фрагментах памятников XIV—XVII вв. <...> Второй тип употребления настоящего исторического характерен для гибридных текстов раннего периода и некнижных фрагментов памятников XIV—XVII вв. В древнерусских некнижных и гибридных текстах презенс НСВ имеет процессное значение, обозначая не продвигающие повествование (одновременные) действия в прошлом, презенс СВ называет завершённые действия в прошлом, „двигающие“ нарративную цепочку, неохарактеризованные же по виду глаголы возможны и в процессном, и в событийном значении».¹⁶

Как известно, в лингвистике господствует представление о проникновении *praesens historicum* в письменные памятники под влиянием употребления настоящего исторического в устных рассказах. «Употребление настоящего времени в значении прошедшего в русском литературном языке, по-видимому, распространилось под влиянием живой народной речи. Известно, что в старославянских переводах формы *praesentis historici* (настоящего времени в значении прошедшего) очень редки. В старославянском языке греческое *praesens historicum* обычно передается формой аориста», — писал В. В. Виноградов.¹⁷

М. В. Иванова и М. В. Новикова склонны считать, что не только в текстах на гибридном церковнославянском, но и в агиографических памятниках XIV—XV вв., написанных на стандартном церковнославянском, формы *praesens historicum* появились вследствие влияния устных нарративов. М. В. Иванова видит свидетельство этого воздействия в том, «что формы настоящего и прошедшего времени при рассказе о прошлом чередуются в

¹³ Падучева Е. В. Семантические исследования. С. 288. НСВ — несовершенный вид, СВ — совершенный вид.

¹⁴ Мишина Е. А. Настоящее историческое в восточнославянских памятниках XI—XV веков. С. 199.

¹⁵ См.: Шевелева М. Н. Состояние грамматической нормы употребления видо-временных форм глагола... С. 86, 89.

¹⁶ Новикова М. В. Особенности нарративных функций видо-временных форм в севернорусских былинах в сопоставлении с памятниками русской письменности XII—XVII вв. С. 12—13.

¹⁷ Виноградов В. В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). Учебное пособие для вузов / Отв. ред. Г. А. Золотова. 3-е изд., испр. М., 1986. С. 365.

пределах одного предложения или рядом стоящих предложений и воспроизводят манеру устного рассказа о событиях».¹⁸ Связывая широкое употребление настоящего исторического прежде всего с литературной деятельностью Пахомия Логофета, она так обосновывает свою точку зрения: «Употребление *praesens historicum* при изложении событий прошлого известно в древнерусских текстах, как оригинальных, так и воспроизводимых, он был широко распространен в древних исторических хрониках и жизнеописаниях, что отражено в самом названии этого времени <...> но при переводах с греческого, как правило, использовались аористные формы. Если же в древнерусских текстах мы находим *praesens historicum*, то в ином виде, нежели в житиях Пахомия Логофета. Обычно одной-двумя глагольными формами прошедшего времени читателя вводят в контекст с планом прошлого, а далее в повествовании употребляются формы настоящего времени. В исследованных житиях контекст действительно ориентирован в прошлое и общей концепцией повествования, и указаниями на прошедшее, и употреблением прошедших форм глагола. Но эти последние постоянно чередуются с формами настоящего времени в пределах одного предложения, что не характерно для древней письменности и воспроизводит манеру устного рассказа о событиях. Рассказчик, говоря о прошлом, оживляет и актуализирует событие, употребляя формы настоящего времени и тем самым приближая его к моменту речи. В разговорной речи нет жестких критериев использования этих форм; например, невозможно оценить с точки зрения правильности разговорные фразы: „он пришел и сказал“ и „он пришел и говорит“. Но последняя фраза с точки зрения речи письменной неправильна. Явное несоответствие употребления форм презенса плану прошедшего в контексте, некий „грамматический конфликт“ в языке исследуемых житий придает изображению дополнительную напряженность и эмоциональность, оживляет рассказ и тем самым выполняет определенную стилистическую задачу. Служит стилистическим целям и использование темпоральной роли *praesens historicum*, когда повествование смещает настоящее в прошлое <...> переносит читателя в окружение минувших событий, создавая иллюзию его сопричастности. Иными словами, изложение в историческом презенсе имитирует достоверность рассказа и делает читателя почти очевидцем изображаемого. Этого Пахомий Логофет добивается вполне: все житие и чудеса святого выглядят весьма зримо, а читать их занимательно. Но такая черта представляет собой отступление от принципов построения и синтаксических норм книжно-славянского типа литературного языка. По существу, любой отрывок из текстов обнаруживает чередование форм настоящего и прошедшего времени при описании тех или иных событий».¹⁹

М. В. Новикова, принимая утверждение Е. А. Мишиной, что следы воздействия устного употребления *praesens historicum* прослеживаются только в памятниках, принадлежащих в языковом отношении к гибриднему регистру церковнославянского (например, в летописях и хождениях), но не в та-

¹⁸ Иванова М. В. Древнерусская агиография конца XIV—XV веков как источник истории русского литературного языка. С. 20.

¹⁹ Иванова М. В. Разговорные компоненты в структуре древнерусских литературных текстов середины XV в. // Вестник РУДН. Сер. «Лингвистика». 2013. № 28. С. 7—8.

ких текстах, как жития,²⁰ тем не менее, как и М. В. Иванова, полагает, что распространение событийного настоящего исторического в агиографии эпохи второго южнославянского влияния произошло под влиянием устного нарратива. В разговорном языке форма событийного настоящего исторического была, видимо, издавна, «ее распространение в книжных текстах» с конца XIV в. «лишь открыло возможность для употребления в письменной речи аналогичной живой древнерусской формы, существовавшей и ранее, однако по каким-то причинам ограниченной лишь рамками устного нарратива».²¹ В качестве аргумента она ссылается на распространенность настоящего исторического в таком фольклорном жанре, как былины: «Частотность употребления форм событийного настоящего исторического именно в былинном нарративе особенно показательна, поскольку эпические тексты, как хорошо известно, с одной стороны, достаточно долго сохраняют архаические языковые особенности, а с другой — в минимальной степени подвержены влиянию письменной книжной традиции».²²

С этими утверждениями трудно согласиться. По поводу трактовки М. В. Ивановой настоящего исторического в Пахомиевых житиях стоит заметить, что одиночные формы *praesens historicum* в окружении простых претеритов, встречающиеся в древнерусской агиографии задолго до Пахомия Логофета (ср. приведенный выше пример из Жития Феодосия Печерского), не имеют ничего общего с их использованием в устном рассказе, где «обычно данное представлено прошедшим временем, а новое — настоящим историческим» и сочетание с прошедшим «может быть использовано для того, чтобы подчеркнуть противопоставление предшествующего и последующего действий»²³ и указать на ожидание нового события.²⁴ Это случаи наподобие «встал и говорит» или — приведем пример из художественного текста, имитирующего устный рассказ: прошедшего и *praesens historicum*: «Порылся в кармане и достает двугривенный» («В трамвае» М. Зощенко).²⁵ А в Житии Феодосия Печерского и других агиографических текстах единичные формы *praesens historicum* не выпадают семантически из ряда предикатов в форме простых претеритов (обычно аористов), но лишь акцентируют одно из действий/событий как наиболее значимое. В случае с житием, написанным Нестором, это наречение святому имени, наделенного особым символическим смыслом (Феодосий — греч. ‘дарованный, врученный Богу’),

²⁰ Е. А. Мишина анализировала летописи и хождения преимущественно как «памятники, написанные на гибридном церковнославянском языке, допускающем употребление не только книжных, но и разговорных форм. А как известно, общепринятой является гипотеза о том, что в письменную речь настоящее историческое проникло из устной, и основная специфика его употребления связана именно с устным повествованием <...>. В этой связи примечательно, что настоящее историческое в исследованных нами древних текстах часто имеет много общего с настоящим историческим в современных устных рассказах» (Мишина Е. А. Настоящее историческое в восточнославянских памятниках XI—XV веков. С. 198).

²¹ Гашичева [Новикова] М. В. Настоящее историческое событийное: устное повествование и книжная традиция // Вестник Московского университета. Сер. 9. «Филология». 2012. № 3. С. 108.

²² Там же. С. 105.

²³ Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). Пособие для студентов. М., 1971. С. 147, 148.

²⁴ Падучева Е. В. Семантические исследования. С. 289.

²⁵ Пример приведен Е. В. Падучевой (Там же).

соотносящимся с предначертанным Феодосию призванием быть одним из основателей русского монашества. Рассматриваемые М. В. Ивановой примеры употребления *praesens historicum* у Пахомия не имеют ничего общего с установкой устного рассказа или, соответственно, сказа в литературе на «эффект наблюдения ситуации изнутри, часто как бы глазами героя».²⁶ Здесь нет никаких следов присутствия нарратора при описываемых событиях, а сами описания совершенно лишены конкретики.

Формы аориста и имперфекта — книжные глагольные формы, отсутствовавшие в живой речи второй половины XIV—XV вв., как и книжная лексика, отличавшая церковнославянский язык от просторечия,²⁷ однозначно свидетельствуют о том, что использование настоящего исторического в житиях этого периода, как и в более ранней агиографии, никак не связано с устным нарративом.

Вот один из таких случаев: рассказ о приходе Козьмы—Кирилла к Стефану Махрищскому для принятия иноческого сана: «Случися убо приити Махрищскому игумену Стефану, мужу суцу в добродѣтели съврѣшену, всѣм знаем великаго ради житиа. Сего пришествие увѣдѣвъ, Козма течеть убо с радостию к нему, много бо время преиде, отнелиже ожидааше его. И припадаеть къ честным того ногам, слезы от очию проливая, и мысль свою сказуеть ему, вкупѣ же и молить его еже възложить на нь иночскый образ».²⁸ Он, конечно, не имеет ничего общего с нарративом, имитирующим устный рассказ и/или создающим некую зримую картину происходящего. Для наглядной иллюстрации разительного отличия этого повествования от литературного нарратива, подражающего устному рассказу, стоит обратиться к художественным произведениям Нового времени со сказовой установкой. Сравним, например, с фрагментом рассказа М. Зощенко «В трамвае»: «Давеча еду в трамвае. И стою, конечно, на площадке, поскольку я не любитель внутри ехать.

Стою на площадке и люблюсь окружающей панорамой.

А едем через Троицкий мост. И очень вокруг поразительно красиво. Петропавловская крепость с золотым шпилем. Нева со своим державным течением. Тут же солнце закатывается. Одним словом, очень, как говорится, божественно.

И вот стою на площадке, и душа у меня очень восторженно воспринимает каждую краску, каждый шорох и каждый отдельный момент.

Разные возвышенные мысли приходят. Разные гуманные фразы теснятся в голове. Разные стихотворения на ум приходят. Из Пушкина что-то такое выплывает в память: „Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца...“

И вдруг кондукторша разбивает мое возвышенное настроение, поскольку она начинает спорить с одним пассажиром».²⁹

²⁶ Выражение Е. А. Мишиной: *Мишина Е. А.* Настоящее историческое в восточнославянских памятниках XI—XV веков. С. 206—207.

²⁷ Ср. о критериях разграничения церковнославянского языка и древнерусского в его различных диалектных вариантах до и после второго южнославянского влияния: *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI—XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 192—268, 286—303.

²⁸ БЛДР. СПб., 1999. Т. 7: Вторая половина XV века. С. 138.

²⁹ Ср. анализ этого фрагмента: *Падучева Е. В.* Семантические исследования. С. 288.

А вот пример древнерусский, но поздний, из второй половины XVII в. — запись приказным служителем рассказа караульного на Соловках: «И я отшел, и стал на уреченем месте, о топорок оперся, и призабылся мало. И вижу от Соловецкаго монастыря старца скоро текуща к нашему караулу, и к нам скоро притек, и мимо <нас> прошел, и невидим бысть. <И я взд>рогну, и ужась обдержит сердце мое, и от той ужастн пошел к своим кустодеем. И пришел к ним, хожу около их, любо что оне заговорят».³⁰

В Житии Кирилла Белозерского, принадлежащем перу Пахомия Логофета, нет ничего похожего на эффект присутствия нарратора при происхождении. В качестве контраста можно привести строки из лермонтовского «Героя нашего времени» (рассказ Максима Максимыча в повести «Бэла»), где такой эффект присутствия создается: «Пробираюсь вдоль забора и вдруг слышу голоса; один голос я тотчас узнал: это был повеса Азамат, сын нашего хозяина; другой говорил реже и тише».³¹

В написанном Пахомием житии акцентируется переломный момент в судьбе святого — принятие пострига, но формы *praesens historicum* обозначают отнюдь не неожиданные событийные повороты, а серию последовательных действий с общей семантикой ‘желание святого принять монашеский сан’. Между прочим, это пример, стереотипный для агиографии — литературный прием, характерный для стандартных церковнославянских текстов конца XIV—XV вв.».³² Стоит помнить, что и в литературе Нового времени, где употребление настоящего исторического обычно реализует установку на оральность, оно все же не обязательно экспрессивно и не всегда связано с устной традицией, а может просто обозначать один из планов повествования, как, например, в очерке А. П. Чехова «Из Сибири».³³

Формы *praesens historicum* в агиографии периода второго южнославянского влияния и в более поздних житиях обыкновенно используются для акцентирования наиболее важных моментов в жизни святого. Так, в Житии Кирилла Белозерского помимо упомянутого выше эпизода, рассказывающего о намерении преподобного принять монашеский сан, они встречаются в таких известиях, как сообщение о смерти его родителей и о выборе опекуна: «...родители его, земная оставльше, к Господу отходят <...>. Сему бо яко сроднику своему вручает сына своего, еже пещися и промышляти яже о нем»; сообщение о пострижении святого: «И сему тако бывающу, отходит игумень Стефанъ в монастырь Пречистыя Успения на Симоновъ нарицаемо, поим с собою Кириила. И тко предасть его въ руцѣ архимандриту тоя обители Феодору именем <...> И ту абие Феодоръ приемлет его с радостию и тако

³⁰ Демкова Н. С. Сочинения протопопа Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества. Материалы и исследования. СПб., 1998. С. 130 («Видение караульного на Соловках»).

³¹ Пример приведен Е. В. Падучевой (*Падучева Е. В. Семантические исследования*. С. 289).

³² Гашнева [Новикова] М. В. Настоящее историческое событийное: устное повествование и книжная традиция. С. 106, со ссылкой на текст Киприановской редакции Жития митрополита Петра; пример отмечен М. Н. Шевелевой (*Шевелева М. Н. Состояние грамматической нормы употребления видо-временных форм глагола... С. 86*), на работу которой ссылается М. В. Новикова.

³³ См.: Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). С. 144—145.

постригает его съвршено и дасть ему имя то же наименование Кирииль»; сообщение о назначении Кириллу духовного наставника, которому преподобный «врученъ бываетъ»; сообщение о негодовании завистника нового архимандрита Сергия на Кирилла и об уединенных молитвах святого Богородице: Кирилл «ни гнѣву мѣсто даеть. Отходит отгуду въ древний монастырь Рожества Пречистыя и тамо безмольствуеть бяше»; сообщение о начале путешествия Кирилла и Ферапонта на Белоозеро: «И тако, Богу, поспѣшествующу им, пути касаются»³⁴ и т. д. Форма *praesens historicum* также маркирует в житиях присутствие сакрального начала: Богородица велит преподобному идти на новое место, где он и создаст прославленный монастырь: Кирилл «слышит гласъ глаголющъ: „Кирииле, изыде отсюда и иди на Бѣлоозеро, тамо бо уготовах ти мѣсто, в немже можеша спастися“. И абие съ гласом онѣм свѣтъ велий явися тогда. Отворив же оконце кѣлии, видит свѣтъ»; боярин Роман, исцеленный преподобным, «молит святаго еже освятити воду, да погрузится в ней. Святыи же моления его не презрѣ, но идеть на реку и воду освятить»; одержимый бесом сын боярина Василий «в тонокъ сон сведень бысть, и видит блаженнаго Кирила въ свѣтлых ризах, яко жива, пришедша».³⁵ Формы настоящего исторического таким же образом маркируют значимые события, в том числе иерофанию, в Житии Сергия Радонежского: Сергий «посилает два ученика своа всевятѣйшему митрополиту Алексию о основании церковнѣмъ, прося благословенна»; «Тѣм же слышавъ, зѣло възвеселися съвршенному его послушанию; и въскорѣ посылает священники, и абие освещают церковь въ имя Благовѣщенна пречистыа владычица наша Богородица, иже и донынѣ стоит благодатию Христовою. Избра же Сергий единого от ученикъ своих именем Романа и сего посилаеть к митрополиту» (об основании монастыря на Кержаче); «Святыи же слышавъ, скоро изыде ис келиа въ прустъ, еже есть сѣни. И се свѣтъ велий осѣни святого зѣло, паче солнца сияюща; и абие зритъ Пречистую съ двема апостолома, Петром же и Иоанном, в неизреченнѣй свѣтлости облистающа» (о посещении Богоматерью Сергия).³⁶

В житиях действительно встречаются примеры использования настоящего исторического, создающего эффект присутствия и ориентированного на устный нарратив. Такой фрагмент-эпизод есть в Первой редакции Жития Михаила Клопского, сохраняющей связь с особенностями устного рассказа: «Старец сидит на стуле, а перед ним свеча горит. А пишет седа Деяния святого апостола Павла, плавание».³⁷ Признаки оральности — эллипсис (опущен грамматический субъект при предикате «пишет»), использование союза *a* в присоединительной функции). Но есть и книжный элемент — церковнославянизм «свеча» вместо русизма «свеча». Сцену можно трактовать

³⁴ БЛДР. Т. 7. С. 136, 138, 142, 148.

³⁵ Там же. С. 148, 176, 204.

³⁶ БЛДР. СПб., 1999. Т. 6: XIV—середина XV века. С. 358, 360, 380 (текст Пространной редакции).

³⁷ Повести о житии Михаила Клопского / Подгот. текстов и статьи Л. А. Дмитриева. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1958. С. 89, л. 161 об. (вариант А). Ср. вариант Б той же редакции: «И он войде в келью кадить, ажъ старецъ Михайло сидит на стуле, а пред ним свеча горит. А пишет, седачя, деянье апостольска» (Там же. С. 99), где оральность усилена (просторечия «ажъ», «седачя»).

как увиденную в пространственном ракурсе монаха, обнаружившего Михаила в келье; противоречит такому пониманию лишь информация о том, какую именно книгу (и тем более — что именно в ней) читал незнакомец: наблюдатель в тот момент этого знать не мог. Однако Первая редакция Жития Михаила Клопского — памятник на гибридном церковнославянском, обладающий многочисленными признаками некнижности и в поэтике, и это исключение, которое лишь подтверждает правило. К тому же глаголы в *praesens historicum* здесь наделены не событийной, а процессной семантикой — то есть в этом отношении памятник ближе к летописям и хождениям, а не к традиционной агиографии. Как параллель можно привести цитату из современного Житию произведения — Хождения за три моря Афанасия Никитина: «Поѣхали есмя мимо Хазтарахан, а мѣсяць свѣтит, и царь нас видел, и татарове к нам кликали: „Качма, не бѣгайте!“»³⁸ Здесь также настоящее историческое обозначает состояние, а не действие, оральность отчетливо появляется в использовании перфектов и союза *a* в присоединительной, а не в противительной функции. *Praesens historicum* здесь, как и в эпизоде из Жития Михаила Клопского, может быть определено в качестве «настоящего как фона для развертывавшихся в прошлом событий»; это функция, заимствованная из устного повествования и в XVII в. ставшая обыкновенной для деловой письменности.³⁹

Что же касается аргументации М. В. Новиковой, то ссылка на былины недоказательна, так как это особенный жанр с очень специфичным хронопом, в том числе поэтикой времени.⁴⁰ Эта поэтика кардинально отлична от житийной и не ориентирована, по крайней мере явным образом, на обычный устный рассказ о прошлых событиях.

Думается, есть основания полагать, что широкое распространение *praesens historicum* в период второго южнославянского влияния объясняется воздействием не узуса устного нарратива (такое воздействие требовало бы особого объяснения: почему оно произошло именно в это время и отразилось на чисто книжных текстах), а литературных образцов. Показательно, что в середине XIV в. формы *praesens historicum* греческого оригинала были сохранены в Чудовском Новом Завете, архетип которого, возможно, относится еще к предыдущему столетию,⁴¹ и что в том же XIV в. был осуществлен южнославянский перевод Жития Андрея Юродивого, в котором формы настоящего исторического исходного греческого текста были также сохранены, хотя и не вполне последовательно.⁴² Так или иначе, обильное использование *praesens historicum* в агиографии второй половины XIV—XV вв., по-видимому, связано с рефлексией над текстом и риторическими приемами, характер-

³⁸ БЛДР. Т. 7. С. 350.

³⁹ Горикова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. С. 318. Здесь же цитата из Московского дела 1676 г.

⁴⁰ Ср.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд., доп. Л., 1971. С. 255—265.

⁴¹ См. об этом: Пентковская Т. В. Настоящее историческое в Чудовской редакции Нового Завета // Вестник Московского университета. Сер. 9 «Филология». 2008. № 4. С. 9—29.

⁴² См.: Тюняева Д. Б. Житие Андрея Юродивого в славянском переводе XIV века: особенности языка и переводческой техники. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. С. 10—11.

ной для житийного стиля «плетения словес»,⁴³ расцвет которого приходится на это время. Высокочастотное употребление настоящего исторического было одним из таких риторических приемов.

К 1670-м гг., когда Аввакум создавал свое житие, распределение двух вариантов *praesens historicum* — событийного и процессного — по разным видам текстов (жанрам) принципиально не изменилось. В целом в памятниках, ориентирующихся на книжную традицию, формы настоящего исторического употреблялись примерно так же, как во времена Пахомия Логофета. Обратимся к примерам из Жития Мартирия Зеленецкого, написанного приблизительно в одно время с главным произведением Аввакума.

Praesens historicum в этом житии, составленном неким Стефаном, отмечает ключевые, переломные моменты в жизни людей из окружения Мартирия и в судьбе самого подвижника. Первый из них — это пострижение в монахи духовного наставника Мартирия: «По малѣ убо времени изыде из града <...> и достиже обители святых чудотворецъ и безсребреникъ Космы и Дамиана <...>. И тамо отрезает власы главы своея, вкупѣ же и долу влекущая мудрования, и нарекоша имя ему Боголѣпъ. И нача тамо жестоким и постным житием тѣло свое удручати».⁴⁴ Следующий — пострижение Боголепом Афанасия: Боголеп «абие сподобляет аггелскаго образа восприятию и нарече имя ему Авраамий. И поручаетъ его преподобному Мартирию».⁴⁵ Затем это начало отшельнического жития самого преподобного. «Повелѣ же преподобный Мартирий дойти мужу оному до нѣкия веси потреби ради. Он же по повелѣнью блаженнаго в весь отходит и единому от христианъ о преподобнем повѣдаетъ и о его трудолюбивом житии и безмолвном пребывании».⁴⁶ Здесь прием как будто бы употреблен формально (описываемое событие не связано с Мартирием и его путем к Богу), что свидетельствует о его окостенении: видимо, формы настоящего исторического, призванные отмечать вехи судьбы святого, применены к его эпизодическому знакомцу по принципу аналогии — этот «муж» совершает путешествие, то есть делает нечто подобное странствиям святого.

Зато безусловно значима борьба Мартирия с бесами — и здесь ожидаемо появляются формы *praesens historicum*: «И тако крестным знамениемъ ограждаяся, вопиеть и псаломски глаголя: „Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его“ — и прочая».⁴⁷ Не менее важный эпизод в жизни Мартирия — паломничество к образу Смоленской Богородицы (молитва перед иконой и явление смоленских преподобных Мартирию) — и тут тоже встречаются формы настоящего исторического: святой «отъиде во град Смоленскъ; притекаетъ усердно к чудотворному ея образу, благоговѣтъ и поклоняется,

⁴³ Ср. характеристику эстетических основ этого стиля и его приемов, принадлежащую Р. Пиккио: *Пиккио Р.* «Плетение словес» и литературные стили православных славян в позднем Средневековье / Пер. с итал. Н. Миляевой // Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa*. Литература и язык / Отв. ред. Н. Н. Запольская, В. В. Калугин. Ред. М. М. Сокольская. М., 2003. С. 647—670. См. также: *Пиккио Р.* «Поэтика моления» Епифания Премудрого / Пер. с англ. О. Беловой // Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa*. Литература и язык. С. 671—688.

⁴⁴ Мартирий Зеленецкий и основанный им Троицкий монастырь / Изд. подгот. Е. В. Крушельницкой. СПб.: Издательство «Алетейя», 1998. С. 58.

⁴⁵ Там же. С. 76.

⁴⁶ Там же. С. 84.

⁴⁷ Там же. С. 86.

и великим чудотворцем преподобнымъ Авраамию и Ефрему припадаетъ, моляся о желаемомъ, еже бы обрѣсти покой старости своей. Велицыи же чудотворцы являются ему в видѣнии, глаголющи сице: „Мартирие, подобает ти жити в пустыни, идѣже Господь благоволит и Пресвятая Богородица наставит“». ⁴⁸ Главный переломный момент — это исход из монастыря для поселения в пустынном месте, где и возникнет новая обитель: преподобный перед исходом «приходит и припадает к чудотворному Богоматери образу». ⁴⁹

Важное событие — расширение монастыря — также маркировано глаголами в *praesens historicum*: «...обѣщается нѣкто царевъ мужъ Феодоръ, Сырковъ же нарицаемъ, яко да и сей некосное строение непроходной пустыни присовокупить, еже и бысть», ⁵⁰ как и явление Богородицы Мартирию: «Благолѣпна убо Сия видѣниемъ и мало окружна лицемъ, очи велми добролѣпны, на главѣ ея вѣнецъ злат, многоразличными цвѣты украшен» ⁵¹ и принятие игуменства по просьбе монахов обители: «Преподобный же едва повинуся молению ихъ, иде в Великий Новъград, и тамо от архиереа хиротонисанъ бываетъ в презвитерский чин, и пастырства жезль приемлет. И паки в пустыню приходитъ». ⁵²

Святость инока удостоверяется чудом — воскрешением сына царя Симеона Бекбулатовича — формы настоящего исторического отмечают начало сюжета, его завязку: «Печален же бывъ царь, яко сынъ его, царевичъ, во вратѣхъ смертных на празѣ стоит; призываетъ священников, яко да молитвы Бога о немъ сотворять». ⁵³ Завершается эпизод также глаголом в *praesens historicum* — Симеон Бекбулатович пытается одарить святого, тот же «и едва от царя умоленъ бываетъ, нѣколико приемлет». ⁵⁴ Настоящее историческое образует рамку эпизода с чудом.

Вполне органично появление форм *praesens historicum* в рассказе о стяжании преподобным мудрости перед смертью: «Тогда преподобный предивно непрестаннаго любомудрия касается и сие объемлетъ, и любезно облобызаетъ»; ⁵⁵ «Егда же убо преподобный игумень Мартирий уразумѣ свое от земли преставление, призываетъ братию». ⁵⁶ Столь же ожидаемо использование этой формы (здесь это презенс совершенного вида) в известии о смерти подвижника: «...предастъ святую свою душу в руцѣ всѣхъ Бога». ⁵⁷

Аналогичные примеры есть в Житии Елеазара Анзерского. Так, о чуде в храме сообщается: «...знамение показуется, из помоста, твердо суха и безводна, израсте купины три лѣторасли, свыше же образъ пресвятыя Богородицы, знаменіе утверждается въ мѣстѣ своемъ. И многимъ сие удивительно является». ⁵⁸ Об осуществлении божественного указания написать образ

⁴⁸ Там же. С. 88.

⁴⁹ Там же. С. 90.

⁵⁰ Там же. С. 98.

⁵¹ Там же. С. 98.

⁵² Там же. С. 100.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 102.

⁵⁵ Там же. С. 104.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 108.

⁵⁸ Православный собеседник. 1860. Ч. 1. № 2. С. 247.

Христа говорится: Елезар «со тщаниемъ повелѣваетъ Соловецкаго монастыря иконописцу Памвѣ именемъ, назнаменати подобие боговочеловѣченія Христова. Самъ же къ труду касается».⁵⁹ Использование глагола *касается* в *praesens historicum* достаточно традиционно. Он часто употребляется в составе словесной формулы *касается пути* (ср. выше примеры из житий Кирилла Белозерского и Мартирия Зеленецкого).

В целом аналогичные примеры использования форм *praesens historicum* содержатся в более позднем памятнике — так называемом выговском Житии Епифания Соловецкого, относящемся уже к XVIII в., но вписанном в древнерусскую агиографическую традицию.⁶⁰

Епифаний, придя в обитель, еще отроком «привязаетъ <...> к себѣ неразумное смирение и послушание к настоятелю же и к братии»; он, «повелѣваемъ бываетъ от настоятеля»; «в хлѣбопекальницу отуду настоятелемъ изводимъ бываетъ <...>. И ту блаженный чѣстне работу устрояетъ, к хлѣботворению на раму приношаетъ. И вся службы монастырския по чину прохождаше с великимъ усердиемъ <...> работаетъ без роптания. И сихъ ради любимъ бываетъ от настоятеля и от всѣхъ, иже во обители, почитається многого ради послушания, кротости же и смирения, и иныхъ сущихъ в немъ добродѣтелей». Формы *praesens historicum* подчеркивают длительность смиренного служения Епифания, глагол в этой же форме маркирует и намерение Епифания принять иноческий чин: «Приходитьъ к настоятелю <...> прося от него себѣ воспріяти иноческий ангельский образъ». После пострижения новоначальный инок «посылается во вся манастирская служения <...> иногда болнимъ служити приставляется, иногда же трапезѣ служити братстѣй уставляется, иногда нищихъ питати повелѣвается».⁶¹

Формы настоящего исторического традиционно используются в повествовании об иерофании, о божественной помощи отшельнику Епифанию против бесов: старец «видитъ образъ Пресвятыя Богородицы, стоящъ на воздухѣ над правымъ плечомъ, свѣтящъ, аки солнце. <...> Бѣси же с великимъ крикомъ побѣгоша от кѣлии и воплемъ необычнымъ, яко гоними Божиею силою, и вси исчезоша и невидими быша»;⁶² «И в то время зритъ: потолокъ кѣлейный открытъ, и приходяше от небесъ сила Божия на бѣса, еже мучить его вельми. А другой бѣсъ прямо дверей стоитъ, в лице ужасенъ, и хотяше вонь бѣжати ис кѣлии, но не можаше, нозѣ бо его приплѣша к мосту кѣлейному».⁶³

И Житие Мартирия Зеленецкого, и Житие Елезара Анзерского восходят к их автобиографическим сочинениям.⁶⁴ Несмотря на принцип повествова-

⁵⁹ Там же. С. 238.

⁶⁰ «На Выгу очень сильна была этикетность литературного мышления. В каноничности формы усматривался главный критерий литературного совершенства. Поэтому если здесь брались за создание жития, то считали необходимым построить его так, чтобы оно имело весь набор элементов, полагающихся этому жанру» (*Понырко Н. В.* Кирилло-Епифаниевский житийный цикл // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 169).

⁶¹ *Руди Т. Р.* Выговское Житие инока Епифания (публикация текста) // ТОДРЛ. СПб., 2017. Т. 65. С. 501 (л. 78—78 об., 79—79 об.).

⁶² Там же. С. 512 (л. 91—91 об.).

⁶³ Там же. С. 513 (л. 92).

⁶⁴ См. о них: *Крушельницкая Е. В.* Автобиография и житие в древнерусской литературе. (Исследования и тексты). СПб., 1996; Преподобный Елезар, основатель Свято-Троиц-

ния от первого лица, в формах настоящего исторического, используемых в обоих автобиографических произведениях, в них нет никакой связи с устным нарративом. Формы *praesens historicum* употребляются в обоих автобиографических повествованиях традиционным для церковной книжности, в том числе для агиографии, образом: они акцентируют события, которые книжники считают особенно значимыми — не с их субъективной точки зрения, а для церковного сознания. В Повести Мартирия Зеленецкого это два видения: «И видѣх во снѣ у пустыни той море, и на том море образ Пресвятыя Богородица Одигитрие, яков же и преже явльшийся мнѣ, плавает»; «И видѣх во снѣ Пречистую Богородицу <...>. Умилена бо лицом, благолѣпна образом, долги зѣницы и брови черны, носъ же средний и похиль, на главѣ Ей вѣнец златъ и многими цвѣты украшен разными <...> сияет бо, аки солнце. Сѣдит же в келии моей на лавицы в большем углу, идѣже и иконы стоят». ⁶⁵ Стереотипность речевого оформления обоих эпизодов подчеркивается одинаковыми инициальными конструкциями союз *и* + аорист *видѣхъ*. В Сказании Елеазара Анзерского в шести из семи случаев *praesens historicum* используется в той же функции и в таком же контексте. Четыре фрагмента — рассказы о видениях; при этом все четыре раза автором-повествователем употреблен глагол *является*: «И к совершению сотни (Иисусовых молитв и поклонов. — А. Р.) является мнѣ пресвятая Богородица <...> И глаголаше ми»; «Во иное время летнѣ приидохъ в церковь с обѣдни <...> и в трапезе начало положихъ по обычаю. И является мнѣ образ пречистыя Богородицы, подобие Смоленския <...>. И глагола ми тако <...> И невидима бысть»; «По семь является ми в церкви пресвятыя Троицы во ино время во образе апостоль Христовъ Павелъ, держитъ в правой рукн знамение — образ пяднищной пресвятыя Богородицы. И глаголаше мнѣ тако»; «На другой же день в кѣлию прииде ко мнѣ искуситель. Является мнѣ тем же образом Павла апостола, токмо в руках не имат образа. Мене же сохрани сила Божия. Опознах чувством приход его. И нача глаголати: „Вѣрую во единого Бога Отца!“ И тако силою Христовою в той часъ исчезе». ⁶⁶ Еще один эпизод — ответ свыше на вопрос «Как молиться?»: голос «паки то же повелевает глаголати». ⁶⁷

Во всех приведенных фрагментах форма *praesens historicum* *является* маркирует начало эпизода — явления сверхъестественных сил, божественных или дьявольских. На этом фоне выделяется только один пример иного рода — беседа игумена Иринарха с матерью государя Михаила Федоровича инокиней Марфой Ивановной: «Она же вопрошаху (так! — А. Р.) его: „Слух нас дошед, игумень Иринархъ, есть, де, от вашего монастыря недалеко остров Анзерской, на нем отшелницы живут пустынным житием“. Он же отвѣщает: „Государыня, островъ зело угоден иноческому пустынному пребыванию: воды много, со озеры, и лесъ, и ягодичие“. Она же глаголаше:

кого Анзерского скита / Изд. подгот. С. К. Севастьянова. СПб., 2001; Ранчин А. М. Автобиографические повествования в русской литературе второй половины XVI—XVII вв. Повесть Мартирия Зеленецкого, Записка Елеазара Анзерского, жития Аввакума и Елиифания: Проблема жанра // Ранчин А. М. Вертоград златословный. Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. С. 233—247.

⁶⁵ Мартирий Зеленецкий и основанный им Троицкий монастырь. С. 42, 46.

⁶⁶ БЛДР. СПб., 2013. Т. 17: XVII век. С. 45.

⁶⁷ Там же. С. 46.

„Мочно ли поставити на томъ мѣсте церковь, по глаголу твоему?“ Он глагола: „Зело угодно!“ И даша ему сто рублей на сорууженье». ⁶⁸ Здесь посредством *praesens historicum* акцентировано важное событие в судьбе Соловков и Анзерского острова. Несколько необычно лишь то, что форма *praesens historicum* в этом фрагменте употреблена только один раз — только в известии об ответе игумена.

Все эти случаи — примеры использования настоящего исторического в книжных текстах на стандартном церковнославянском, и здесь превалирует использование глаголов в формах *praesens historicum* в событийном значении. В некнижных текстах, созданных примерно в одно время с Житием Аввакума, *praesens historicum*, как и прежде, обыкновенно используется в процессной функции, обозначает длящееся состояние: «А сказали стрельцы: стоят они на карауле по Бѣлому городу у Яускихъ воротъ, и тотъ Ивашко у их краулу кричалъ» (Московское дело 1676 года ⁶⁹ — стандартный пример из деловой письменности) или преимущественно в процессной вместе с событийной: «И как почели его ставить на местѣ томъ, и отецъ нашъ говорить мнѣ»; «на всѣхъ кручинитца»; «да велѣлъ себя вестъ провожать мѣня. А ноги те волочить на злую силу», «А наутре въ четвергъ допѣваютъ у мѣня завтреню за полчаса до свѣта, только начали перьвой часъ говорить, а Иванъ Кокошиловъ ко мнѣ въ церковь бѣжить»; «И мы со архиепископомъ кликали и трясли за ручки-те, чтобъ промолвилъ, — отънюдь не говорить, толке глядить. А лихаратка-та знобить, и дрожить весь, зубъ о зубъ бѣть» (письмо царя Алексея Михайловича Никону о смерти патриарха Иосифа). ⁷⁰

Из современных Житию Аввакума памятников письменности, использующих формы настоящего исторического и ориентированных по своей семантике и жанровым особенностям на книжную традицию, выделяется автобиографическое Житие Епифания — Аввакумова духовного отца и соузника по Пустозерской ссылке. В Епифаниевом Житии формы *praesens historicum* встречаются восемьдесят раз ⁷¹ — из них семьдесят семь в повествовании от лица первичного нарратора (автора) и три — в рассказах вторичных нарраторов (других действующих лиц). ⁷² Основная часть из них (целые серии форм) содержится в пятнадцати фрагментах. Первый, в котором эксплицитно присутствует одна форма настоящего исторического, но подразумевается еще и опущенная связка *есть* при составных именных сказуемых (третье предложение), — традиционный для агиографии и для сказаний об иконах пример сакрального явления созерцателю: «Аз же, грешный, воздохня от печали,

⁶⁸ Там же. С. 45.

⁶⁹ Цит. по: Горикова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. С. 318.

⁷⁰ БЛДР. Т. 17. С. 302, 303, 304 (письмо царя Алексея Михайловича Никону). Ср. более ранний пример использования формы настоящего исторического в некнижном (видимо, надиктованном писцу) фрагменте текста, тоже передающем впечатления-воспоминания автора: «...князь Иван Васильевич Шуйской сидит на лавке, лохтем опершися о отца нашего постелю, ногу положи на стул» (Первое послание Ивана Грозного князю Андрею Курбскому, текст 1-й Пространной редакции). — Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным / Текст подгот. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. Л., 1979. С. 28 (л. 313 об.).

⁷¹ Учитывались формы как совершенного, так и несовершенного вида, опущенные глаголы-связки в составных именных сказуемых не подсчитывались.

⁷² См. об этих терминах: Шмид В. Нарратология. М., 2003. С. 77—79.

внидох в келию огорелую. О, чудо неизреченное [X]ристово и [П]речистыя [Б]огородицы! В келии чисто и бело, все убережено, сохранено, огонь во келию не смел внити, а образ на стене стоит [П]речистыя [Б]огородицы, яко солнце сияя показа ми ся, и обрати ми ся печаль в радость, и воздох руце мои на небо, хвалу и благодарение воздая Христу и [Б]огородице, и падох пред образом на землю лицом, и помоляся поклонами и молитвами, да поможет ми [Б]ог паки келейцу построити». ⁷³ Во второй части Жития встречаются аналогичные случаи. Это маркирование видения двух языков, явлений Спасителя в иконном образе и ангела в образе сотника с помощью форм настоящего исторического, в том числе этикетного *вижу* (*вижу сердечныма очима*) и функционально и отчасти семантически сходных *зрю* и *дивлюся*: «И некогда бо ми после канонов, и после молитв, и поклонов ношных мнитмися в полунощи, возлегшу ми опочинуту от трудов на одре моем, и сведохся абие в сон мал, и вижу в келейце моей сердечныма очима моима гроб, а во гробе лежит старец Ефросин, друг мой любимой и сердечной, мертв; аз же зрю во гроб на Ефросина и дивлюся, помышляя в себе: како обретеса в келии моей друг мой и гроб его, а погребен он во Андомской пустыне, а ныне обретеса в Виданьской пустыне у мене и в келии моей — что хошет быти се?»; «И некогда бо ми возлегшу на одре моем опочинуту, и вижу себя на некоем поле велике и свет-де зело, ему же конца несть. И дивлюся красоте и величеству поля того, и вижу: о левую страну мене на въздухе лежат два мой языка — московской и пустоозерской, мало повыше мене; московской не само красен, но бледноват, а пустоозерской зело краснешенек»; «И скоро найде на мя сон мал: и вижу сердечныма очима моима темничное оконце мое на все страны широко стало, и свет велик ко мне в темницу сияет; аз же зрю прилежно на той великий свет, и нача той свет огустевати, и сотворися ис того света воздушнаго лице, яко человеческое — очи, и нос, и брада, подобно образу нерукотворенному [С]пасову»; «И скоро вижу сердечныма очима моима, кабы сотник к темнице моей пришел к оконцу и принес много крестов болших и малых. <...> ...и рече ми сотник сице: „Старче, зделай мне крестов [X]ристовых много, надобно мне“. И аз рекох ему с печалию: „Уже, господине, нелзе мне ныне крестов делать, не вижу; а се рука больна, сечена. Отошло ныне от мене рукоделие то“. И рече ми сотник: „Делай, Бога ради, делай, Христос тебе поможет“, и невидим бысть. Аз же, грешный, убудихся, яко от сна, и рекох себе: „Что се будет видение?“ А глаза таки у мене болят по-старому и гноем заплывають, и аз руками гной содираю со очей моих с печалию великою, насилиу великую гляжу. И посем в третий день прииде к темнице моей сотник той же яве в день и принесе ми древо кедровое на кресты». ⁷⁴ Однако применение настоящего исторического в конце последнего из этих фрагментов, фиксирующего физическое состояние страдающего глазами Епифания и его действия, уже не трафаретно.

Использование форм настоящего исторического во втором фрагменте первой части также традиционно — они отмечают одно из ключевых событий в жизни нарратора — нападение бесов, пытающихся изгнать старца из

⁷³ Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания. Исследование и тексты / Отв. ред. Н. К. Гудзий. М., 1963. С. 184 (л. 292).

⁷⁴ Там же. С. 191 (л. 112—112 об.), 196 (л. 122), 198 (л. 124 об.), 199 (л. 126 об.—127).

его отшельнической кельи: «И по двух неделях начата ко мне в келию беси приходят по ношем, устрашающе мя и давяше, не дающе ми опочинуть. И того было не мало время. Аз же грешный много о сем моляхся Христу и Богородице, да избавит мя от бесов. Беси же таки что день, то пуше устрашаюют мя и давят. Аз же прилежнее притекаю и молюся Христу и [Б]огородице, да избавит мя от бесов. И некогда после правила моего с великою боязнию возлег опочинуть, моляся прилежно [Б]огородице, и абие сведохся в сон».⁷⁵

В целом традиционно использование настоящего исторического также в фрагменте, где описано явление Богородицы, помогающей Епифанию бороться с бесом, — и здесь *praesens historicum* акцентирует божественную помощь повествователю; но одновременно акцентируется состояние созерцателя: «И от печали тоя великия найде на мя сон, и вижу себя сидяща посреде келейцы моей на скамейке маленькой (на ней же рукоделие мое временем делаю), а [Б]огородица от образа прииде, яко чистая девица, и наклоняся лицом ко мне, а в руках у себя беса мучит, кой меня мучил. Аз же зрю на [Б]огородицу и дивлюся, а сердце мое великия радости наполнено, что [Б]огородица злодея моего мучит. И даде ми [Б]огородица беса уже мертваго в мои руки».⁷⁶

Во фрагменте, посвященном описанию пожара кельи, *praesens historicum* употребляется для обозначения процесса, образующего фон действий, то есть в функции, которая не была характерна для церковных памятников. Не вполне обычно в сравнении с традицией церковной книжности акцентирование не состояния действующего лица, а горения, а также использование глагола *дышет* в значении ‘горит, пылает’: «Аз же возстах скоро со одра и идох шума видети, и узрех — у келии моей огонь велик зело дышет, съел у мене дров шесть сажен, да карбас, да и иново лесу немало, а пламя вверх дышет саженей на пять и хощет келию мою полизати скоро и сурово». Аналогичный случай употребления настоящего исторического в процессном значении содержится в эпизоде, где рассказывается о муравьях, докучавших старцу: «И гнездо себе зделали поть печью, и оттуду исхожаху ко мне, и ядыху ми тайныя уды. Аз же гнездо их кошницею носил в воду, а они болши тово наносят всяково порошья туды».⁷⁷

Традиционно для агиографической традиции акцентирование с помощью формы настоящего исторического переломного события в жизни Епифания — здесь это урезание языка: «...потом приступиша ко мне, грешному, — палачь с ножем и с клещами хощет гортань мою отворяти и язык мой резати».⁷⁸

Более оригинален эпизод, в котором посредством трех глаголов в *praesens historicum* передаются мысли автора-повествователя, описывается положение его тела и перемещение взгляда — здесь настоящее историческое служит и акцентированию внутреннего состояния повествователя, и визуализации эпизода. Формы настоящего исторического в описании иконы Богородицы здесь мотивированы именно точкой зрения Епифания в простран-

⁷⁵ Там же. С. 184 (л. 292 об.).

⁷⁶ Там же. С. 185 (л. 294—294 об.).

⁷⁷ Там же. С. 187 (л. 297 об.—298).

⁷⁸ Там же. С. 195 (л. 120—120 об.).

ственно-временном плане, его «здесь и сейчас» в повествовании и в бытии: «И отворишася сенныя двери, а в келейце стало светло в полунощи; и паки келейныя двери отворишася, и внидоша в келию ко мне два беса, и поглядели на меня, и скоро вспять возвратилися ис келии, и келию мою затворили, и не весть камо ищезоша. Аз же помышляю, чесо ради беси не давили мене и не мучили, и смотрю по келейце моей туды и сюды, а в келии светло, а я лежу на левом боку, и возрех на правую руку, и на правой руке на мышце моей лежит образ вольяшной медяной [П]речистыя [Б]огородицы. Аз же грешный левою рукою хотел его взять, ано и нету. А в келии стало и темно, а икона стоит на стене по-старому, а сердце мое наполнено великия радости и веселия [Х]ристова. Аз же прославих о сем Христа и [Б]огородицу. И от того часа близ году не видал, ни слышал бесов ни во сне, ни на яве».⁷⁹

Необычно также употребление глаголов в *praesens historicum* в четвертом эпизоде, хотя оно частично было сохранено в выговском Житии Епифания, которое «в основном опирается на автобиографию его» (М. Б. Плюханова⁸⁰): «...другой бес прямо дверей стоит в велице ужасе и хочет вон бежати ис келии, да не может, нозе бо его прилепишася к мосту келейному и мучится, тянет, нозе свои от земли оторвати хочет, да не может, и сего ради бежати нелзе ему. Аз же велегласно вопию ко Господу по вышереченному; и сего было времени не мало. И не вем, как бес из рук моих ищезнул. Аз же возбнухся, яко от сна, зело устал, биюще беса, а руке мои от мяса бесовскаго мокры».⁸¹ В отличие от выговского Жития, где присутствие наблюдателя отмечено только глаголом в форме настоящего исторического *зритъ*, а в описании беса есть лишь один глагол в *praesens historicum* — *стоитъ*, недетализированно рисуя положение беса, в автобиографическом сочинении Епифания происходящее развернуто в зримую картину, в подробностях живописующую состояние нечистого духа — прежде всего, благодаря глаголам с дуративной семантикой *мучится* и *тянет*, выразительно представляющим тщетные потуги пойманного беса.

Еще в одном фрагменте Жития традиционное для *praesens historicum* акцентирование явления сверхъестественного начала (Богородицы), приносящего нарратору исцеление, сочетается с индивидуальным, свойственным Епифанию акцентом на перцептивности (причем в подчеркнуто субъективном аспекте: *мнитмися* — кажимость), на своей телесности, на состоянии собственного тела и на его положении в пространстве: «И много тосковал, валяясь по земли, и всполс на лавку, и лег на спине, а руку сеченую положил на сердце мое, и найде на мя яко сон, и слышу — [Б]огородица руками своими болную мою руку осязает, и преста рука моя болети и от сердца моего отъиде тоска, и радость на мя найде, а пречистая руками своими над моею рукою яко играет, и мнитмися, кабы [Б]огородица к руке моей и персты приложила, и велика радость найде на мя тогда, аз же, грешный, хотех рукою моею удержати руку [Б]огородичну и не мог удержати, уйде бо. Аз же, грешный, яко от сна убудихся, лежу по старому на спине, а рука моя

⁷⁹ Там же. С. 184, л. 292 об.—293.

⁸⁰ Плюханова М. Б. Комментарий // Пустозерская проза. Сборник / Сост., предисл., коммент., пер. отдельных фрагментов М. Б. Плюхановой. М., 1989. С. 349.

⁸¹ Робинсон А. Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. С. 185 (л. 294).

на сердцы моем лежит, платом обязана по старому; аз же лежа помышляю: „Что се бысть надо мною?“ И начах осязати левою моею рукою правую мою руку сеченую, ища у ней перстов, ано перстов нету, а рука не болит, а сердце радуется, аз же, грешный, прославих о сем Христа-[Б]ога, света нашего, и [Б]огородицу, мать его истинную». ⁸²

Нетривиальна также функция *praesens historicum* еще в одном фрагменте, повествующем о бесовском докучании Епифанию: «И во сто семьдесят третьем году, после велика дни вскоре, от труда рукоделнаго и правилнаго возлег на одре моем опочинуть и абие сведохся в сон тонок. И скоро отворишася двери сенныя, и вниде бес в сени. Аз же идох в сени ко дияволу и хощу его рукою моею живоносным крестом [Х]ристовым оградити, он же побежал от мене. Аз же, яко за разбойником, за бесом гонюся, и ухватил его поперек, и согнул его вдвое, и начах его о сенную стену бити, а сам воплю великим голосом к высоте небесной, глаголюще сице: „Господи, помози ми! Богородица, помози ми! Ангеле мой святой, помози ми!“» ⁸³ Здесь особенно интересна форма настоящего исторического *гонюся* (вместо ожидаемого *погнался* или *погнахся*) в ряду глаголов в перфекте и аористе (*идох—ухватил—согнул—начох*), характеризующих однократные сменяющие друг друга действия. Таким образом происходит как бы замедление или остановка действия по воле повествователя — наподобие замедленного движения или стоп-кадра в кинематографе. Нарратор здесь выступает в активной роли, он как бы «управляет» временем. Интересно, что этот прием был найден Епифанием не сразу: в ранней редакции Жития используется более ожидаемая грамматическая форма прошедшего времени (аорист *гонихся*): «Аз же, аки за разбойником, гонихся, и ухватихся за него, и взя его поперек, и согнух вдвое, и начах бити о сенную стену». ⁸⁴

Пример оригинального использования настоящего исторического содержит также фрагмент, описывающий состояние несчастных поборников «древлего благочестия», мучимых никонианами: «...и ухватили нас, священника Лазаря и меня, под руки и помчали скоро, скоро и зело немилостиво и безбожно, и примчали на Болото, и посадя нас на плаху, и отрезаша нам языки, и паки ухватиша нас, яко зверие лютии суровии, и помчаша нас такоже скоро, скоро. Мы же от болезней и от ран горких изнемогахом, не можем бежати с ними». ⁸⁵ Форма *не можем* на фоне перфектов и аористов акцентирует горький и тягостный результат действий мучителей, выступает как пуант всего эпизода. Таким же образом акцентирован и эпизод казни — урезание языка: «Потом приступиша ко мне, грешному, палачь с ножем и с клещами, хочет гортань мою отворяти и язык мой резати». ⁸⁶

В Житии Епифания, как было показано, присутствует такая традиционная функция настоящего исторического, как акцентирование чудесных явлений, встречи со сверхъестественным — божественным или дьявольским, как маркирование начала видения глаголом в *praesens historicum* *вижду* (ср.

⁸² Там же. С. 194 (л. 118—118 об.).

⁸³ Там же. С. 196 (л. 297).

⁸⁴ Дробленкова Н. Ф. Ранняя редакция Жития Епифания // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 239 (л. 284).

⁸⁵ Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакуму и Епифания. С. 195 (л. 119).

⁸⁶ Там же. С. 195 (л. 120—120 об.).

такую же функцию этого глагола, но в третьем лице в процитированном выше фрагменте из Жития Кирилла Белозерского). Формами *praesens historicum* выделял описания своих видений и еще один пустозерский узник диакон Федор в Послании из Пустозерска «братиям», «сродникам» и сыну Максиму: «И въ третий день посемь бысть сумрак; азъ же во оконце зрю, куря темницу свою»; «И видя се, святой ангель мой хранитель смущень на мя, зѣло окаяннаго, и начать плакати, ходя окрестъ темницы моя, и ко мнѣ припадати сквозь стѣны, умилно в день. И глас его слышу — пѣснотворецъ нѣкако, и тонокъ и свѣтель, а лица его не видѣхъ, понеже бесплотень есть».⁸⁷ Глаголы *зрю* и *слышу* используются Федором, как и Епифанием, в традиционной функции маркера, обозначающего состояние созерцателя чудесного явления. Но в его Послании есть и примеры оформления видений с помощью аористных форм: «И попросихъ у него, Спаса своего, помощи и силы <...>. И по семь прошения, на утреннѣмъ славословии, творящу ми поклонны, за каноны, и абие нападе на мя сонъ необыченъ, и видѣхъ яко отверсть покровъ темницы и съ небесъ летящъ надъ мя яко клубъ нѣкий, свѣтель зѣло и чист, яко хрусталь солнцемъ смѣшенъ»; «И въ то время Божиимъ дѣйствиемъ некако явися Христова раба избранная <...> благовѣрная боляроня Феодосия <...> и рече ми».⁸⁸

Однако оригинальность в использовании форм настоящего исторического Епифанием не менее очевидна, чем их традиционное употребление. Использование форм настоящего исторического в Житии Епифания Соловецкого ближе всего к их употреблению в Житии протопопа Аввакума. Принадлежащая Н. С. Демковой характеристика поэтики Аввакума, опирающаяся на анализ одного из эпизодов редакции Прянишниковского списка: «Здесь — зрелищно, без детального описания — изображена ситуация, как бы схвачена мгновенно расстановка героев на сцене»⁸⁹ — в определенной мере может быть отнесена и к Епифанию, у которого такими героями являются сам автор-повествователь, Богородица и бесы. Также к Житию Епифания можно отнести и ее наблюдение: «Воссоздавая картины реальной действительности в отдельных эпизодах («новеллах») своих сочинений <...> Аввакум стремится к использованию зрительных и слуховых образов, к созданию иллюзии сиюминутности происходящего», и замечание о «художественно и идейно обусловленной смене крупных и общих планов изображения, принципе режиссерского монтажа фрагментов», отличительных для Аввакума, создающего «как бы серию кадров, мгновенных снимков».⁹⁰ Вместе с тем справедливо ее определение различий поэтики двух пустозерских страдальцев: «Иной, чем у Аввакума, является природа драматизма в своеобразном автобиографическом Житии инока Епифания: драматизм Епифания — это драматизм напряженной монологической исповеди, драматизм видений, предчувствий, душевной экзальтации, которые могут сменяться

⁸⁷ БЛДР. Т. 17. С. 355—356.

⁸⁸ Там же. С. 354, 355.

⁸⁹ Демкова Н. С. Драматизация повествования в сочинениях протопопа Аввакума // Демкова Н. С. Сочинения Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества. С. 214.

⁹⁰ Там же. С. 218.

натуралистическими сценами физических мучений, — в замкнутом мире размышлений и чувств инока микрокосм уравнен в правах с макрокосмом».⁹¹

Слова В. М. Живова о стилистической функции *praesens historicum* как одного из «времен нарратива»: «Его функции являются, видимо, чисто дискурсивными: повествователь (и читатель) как бы занимают позицию очевидца»⁹² — в высшей степени относятся как раз к двум пустозерским житиям. Сам по себе мемуарный характер повествования совсем необязательно приводил к созданию зримых картин даже в не книжных текстах, использующих *praesens historicum*. Интересно, что в процитированном выше письме царя Алексея Михайловича Никону, хотя в нем и нашли отражение недавние впечатления адресата, пространственно-временная точка зрения адресанта не выдерживается: к примеру, когда он сообщает: «Ивань Косошиловъ ко мне въ церковь бѣжить» — это известие выходит за рамки кругозора автора, который знает о том, что вестник прибежал в церковь, но не может, находясь в храме, воспринимать, видеть его бег как процесс. И на этом фоне Житие Епифания выделяется оригинальностью использования форм настоящего исторического.

Визуализация и описание реакций авторов-повествователей, в том числе телесных, роднящие два автобиографических жития, — реализация установки на субъективное акцентирование тех или иных моментов в событиях жизни их составителей, осуществляемое с помощью *praesens historicum*. Епифаний подчеркивает не только те события и состояния, которые традиционно выделялись в древнерусской книжности, прежде всего в агиографии, с помощью форм настоящего исторического как объективно значимые, но и маркирует проявления собственного я, хотя делает это не столь ярко и не постоянно, как Аввакум.

Аввакуму были известны разнообразные сочинения, в которых используются в стилистических целях формы *praesens historicum*, в том числе жития (среди них было Житие Стефана Пермского).⁹³ Однако употребление им глагольных форм настоящего исторического разительно отличается от традиционного: протопоп с помощью *praesens historicum* акцентирует не столько объективно, внеличностно наиболее значимые события и ситуации собственной жизни, сколько придает с помощью форм настоящего исторического особый смысл действиям и состояниям, значимым с его субъективной точки зрения. Аввакум писал именно собственную агиобиографию,⁹⁴ однако

⁹¹ Там же. С. 225.

⁹² Живов В. М. История языка русской письменности. Т. 1. С. 605, примеч. 338.

⁹³ См.: Демкова Н. С. Произведения древнерусской письменности в сочинениях протопопа Аввакума // Демкова Н. С. Сочинения Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества. С. 184.

⁹⁴ Ср. аргументацию этого определения жанра Аввакумова творения: *Plukhanova M.* Традиционность и уникальность сочинений протопопа Аввакума в свете традиции Третьего Рима // *Christianity and the Eastern Slavs*. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1993 Vol. 1: *Slavic Cultures in the Middle Ages* / Ed. B. Gasparov, O. Raevsky-Hughes. P. 311—312. (*California Slavic Studies*. Vol. 16). В. М. Живов, отталкиваясь от парадоксального сочетания у Аввакума агиографической установки с установкой на оральность, не книжность, называет Житие «сознательным опытом создания квазиагиографического текста, одновременно ориентированного на агиографические образцы и отталкивающегося от них» (*Живов В. М.* История языка русской письменности. Т. 1. С. 807).

ожидаемого маркирования посредством *praesens historicum* таких объективно ключевых моментов, как смерть отца и кончина матери, женитьба, принятие священства и т. д., которые мог или должен был отметить агиограф в соответствии с установившимся обыкновением, в сочинении пустозерского страдальца за старую веру нет. В его Житии значимы и экстраординарны практически все события — события жизни — тягостного «плавания», «волочения», растянувшегося на десятилетия умирания, мученичества во имя веры.

Тем не менее агиографическая традиция должна была оказать на Аввакума определенное воздействие в употреблении форм настоящего исторического. В Житии Аввакума формы *praesens historicum* достаточно свободно сочетаются с совершенными формами и иногда с простыми претеритами, в пределах одного эпизода — в описании одного события. Автор Жития, как давно показано, во многом реализует установку на устный сказ и во многом воспроизводит черты устной речи, устного повествования,⁹⁵ «Аввакум стремится <...> создать иллюзию безыскусного рассказа».⁹⁶ Формы *praesens historicum* в Житии в целом производят впечатление некнижных элементов (в отличие от их употребления в доаввакумовской книжности). Это происходит благодаря тому, что они соседствуют с некнижными совершенными формами, составляющими абсолютное большинство форм прошедшего времени (на долю аориста и имперфекта приходится только около 11%).⁹⁷ Эффект оральности, знаменитого аввакумовского «вяканья», как он называет свой стиль,⁹⁸ создается также с помощью исключения специфически книжных синтаксических конструкций (дательного самостоятельного и т. п.), адресации к аудитории (прежде всего к духовному отцу Епифанию⁹⁹) и обильного употребления просторечной лексики.

⁹⁵ См. прежде всего: *Виноградов В. В.* 1) О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // Русская речь. Сборники статей / Под ред. Л. В. Щербы. Пг., 1923. [Ч.] I. С. 195—293 (Труды фонетического института практического изучения языков / Под ред. И. Э. Гиллельсона); 2) К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления // ТОДРЛ. М., Л., 1958. Т. 14. С. 371—379; *Демкова Н. С.* Аввакум и традиции устного рассказа. (Тезисы) // Демкова Н. С. Сочинения Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества. С. 230—232.

⁹⁶ *Меркулова М. В.* Речевая структура образа автора в Житии протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 322—323.

⁹⁷ *Семаков В. В.* О стилистической маркированности аориста и имперфекта в языке Жития протопопа Аввакума. С. 405.

⁹⁸ «Ну, старец, моево вяканья много веть слышал» (текст редакции А). — Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / Под ред. Н. К. Гудзия; Подгот. текста и коммент. Н. К. Гудзия, В. Е. Гусева, А. С. Елеонской, А. И. Мазунина, В. И. Малышева, Н. С. Сарафановой. М., 1960. С. 121.

⁹⁹ Ср. особенно выразительный пример — обращение к Епифанию, инициирующее своеобразный диалог в приписках. Аввакум, рассказывая о спрятанном «замотае», спрашивает Епифания (текст редакции А): «Старец да и раб Христов, простите же меня, что я лгал тогда. Каково вам кажется? не велико ли мое согрешение? <...> Припиши же что-нибудь, старец», Епифаний отвечает припиской: «Бог да простит тя и благословит в сем веце и в будущем, и подружью твою Анастасию, и дочь вашу, и весь дом ваш. Добро сотворили есте и праведно. Аминь», автор Жития резюмирует: «Добро, старец, спаси [Б]ог на милостыни! Полно тово» (Там же. С. 84). Хотя в этой имитации живого диалога есть много книжных элементов (в части «реплики» Аввакума, опущенной при цитировании, и в ответе Епифания), доминирующая установка на живое устное слово здесь весьма выразительна.

Однако при этом он не использует *praesens historicum* в виде последовательных цепочек глагольных форм с событийным, перфективным значением, как это характерно для устной речи (ср. ее имитацию в процитированном выше рассказе М. Зошенко). Аввакум употребляет формы настоящего исторического весьма свободно, часто в качестве единичных маркеров-пуантов. Таким употреблением *praesens historicum* он, вероятно, обязан агиографической традиции.

Житие Епифания, наиболее близкое Житию Аввакума среди памятников древнерусской книжности по использованию *praesens historicum*, отчасти могло послужить протопопу образцом для подражания. Епифаний первую часть Жития в исходной редакции написал к 1671 г.,¹⁰⁰ примерно в одно время с завершением работы Аввакума над самой ранней редакцией своей автоагиобиографии,¹⁰¹ в которой установка на оральность была еще непоследовательной и относительно слабой. Однако, как свидетельствует сам Аввакум в тексте редакции А, первоначальная версия Епифаниева сочинения была неполной и не включала ряд фрагментов, в которых оригинальным образом используется *praesens historicum*. Аввакум просил своего адресата: «О имени [Г]осподни повелеваю ти, напиши и ты рабу тому Христову, как [Б]огородица беса тово в руках тех мяла и тебе отдала, и как муравьи те тебя ели за тайно-ет уд, и как бес-от дрова те сожег, и как келья та обгорела, а в ней цело все, и как ты кричал на небо то, да иное, что вспомнишь во славу Христу и [Б]огородице. Слушай же, что говорю: не станешь писать, я петь осержусь. Любил слушать у меня, чево соромитца, — скажи хотя немношко!»¹⁰² Таким образом, очевидно, что с воспоминаниями Епифания Аввакум знакомился не только в письменной, но и в устной форме, причем текст Епифания еще не приобрел окончательный вид к моменту, когда уже была создана вторая редакция основного текста Жития Аввакума (редакция А).

Описание ряда сцен из будущего Жития Аввакумова духовного отца было уже в автобиографической записке Епифания, составленной в 1665—1666 гг. Однако в ней формы *praesens historicum* используются крайне скупо, последовательно употребляется такая книжная форма, как аорист, элементов оральности нет абсолютно. Для сравнения: в эпизоде с пожаром кельи глаголов в настоящем историческом нет вообще: «Огонь же прииде оть пустыни до келейцы моей <...> и попали всю»,¹⁰³ в эпизоде помощи образа Богородицы против двух бесов есть лишь один пример настоящего исторического: «И тако зрю чюдо преславно»,¹⁰⁴ а во фрагменте, повествующем о вторич-

¹⁰⁰ См.: Дробленкова Н. Ф. Ранняя редакция Жития Епифания. С. 223—242; Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова. Л., 1975. С. 194—195, 201.

¹⁰¹ Ранняя редакция Жития Аввакума, сохранившаяся (хотя и не в первоначальном виде) в Прянишниковском сборнике, была составлена, видимо, в 1671 г.; ср. убедительные аргументы в пользу этой датировки: Демкова Н. С. Житие протопопы Аввакума. (Творческая история произведения) / Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. Л., 1974. С. 116—117.

¹⁰² Житие протопопы Аввакума... С. 121.

¹⁰³ Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством Святого Петра Митрополита, под редакцией Н. Субботина. М., 1885. Т. 7. С. 55. Карманова О. Я. Автобиографическая записка соловецкого инок Епифания (к проблеме мотивации текста) // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.). М., 1999. С. 255—260.

¹⁰⁴ Материалы для истории раскола... Т. 7. С. 56.

ном посещении Епифания двумя бесами, вместо выразительного описания как бы прилипшего к полу нечистого духа есть лишь неконкретизированное известие без использования настоящего исторического: «А другий бѣсъ отдалече стояше и бѣжати хотяше, но не можаше».¹⁰⁵ Серия форм *praesens historicum* встречается только в повествовании о мучении Богородицей беса: «И зрю пречистую Богородицу в ризѣ темнобагряной, яко дѣвицу святолѣпну и благообразну, и емь рукама своима нечистаго бѣса и начать мучити мучащаго мя».¹⁰⁶

Можно предположить, что использование форм настоящего исторического в Житии Епифания сложилось отчасти как раз в результате воздействия автобиографического сочинения Аввакума. Сочинения Аввакума пестрят свидетельствами о «тесном общении с Епифанием в процессе их автобиографического труда».¹⁰⁷

Основным же образцом для Аввакума были, видимо, собственные устные проповеди, написанные и/или произнесенные простым языком: «К созданию такой автобиографической беседы-проповеди Аввакум был хорошо подготовлен своей предшествующей деятельностью. <...> Проповедь в народной среде так увлекала Аввакума, что из-за этого у него и „радение худо было“ о предлагавшемся ему месте придворного священника. Он, однако, не жалел об этом месте <...>. Навыки живой беседы со слушателями, простой и доступный им образный язык <...> послужили впоследствии основой для создания <...> многих его эпистолярных и полемических сочинений, а в особенности его „Жития“. Сочинения Аввакума, как пишет В. П. Адрианова-Перетц, „продолжили устную проповедь“».¹⁰⁸

Показательно, что Аввакум воспринимал письменную форму Жития как вторичную по отношению к устному рассказу, дважды обращаясь к старцу Епифанию: «слушай».¹⁰⁹ Это обращение непохоже на условную риторическую апелляцию к аудитории, часто встречающуюся в памятниках древнерусской книжности: обе реплики погружены в контексты, в которых много элементов, присущих устной речи. В этом отношении они принципиально отличаются, например, от риторически условного обращения другого старообрядческого книжника — инока Авраамия — к царю Алексею Михайловичу в реальном послании-челобитной: «Послушай, самодержавне, побесѣдую съ тобою, яко усты ко устомъ; ис темницы, яко изъ гроба, тебѣ глаголю».¹¹⁰ Аввакум свой текст скорее не «видит», а «слышит», не «пишет», а «проговаривает».

Случаи употребления *praesens historicum* в Житии Аввакума весьма многочисленны. По подсчетам М. В. Новиковой, их почти четыреста,¹¹¹ что примерно в пять раз больше, чем в Житии Епифания. (Правда, аввакумовская

¹⁰⁵ Там же. С. 57.

¹⁰⁶ Там же. С. 60.

¹⁰⁷ Робинсон А. Н. Аввакум и Епифаний. (К истории общения двух писателей) // ТОДРЛ. М.: Л., 1958. Т. 14. С. 393. См. свидетельства устного общения двух узников, приводимые здесь же (с. 394—399).

¹⁰⁸ Там же. С. 393.

¹⁰⁹ Житие протопопа Аввакума... С. 80, 121 (текст редакции А).

¹¹⁰ Книга глаголемая челобитная // Материалы для истории раскола... Т. 7. С. 265.

¹¹¹ Гашнева [Новикова] М. В. Настоящее историческое событийное: устное повествование и книжная традиция. С. 107—108.

агиобиография по объему превосходит текст Епифания приблизительно вдвое, но, даже учитывая это обстоятельство, следует признать по-своему исключительное пристрастие протопопа к этим глагольным формам.¹¹²) В Житии в редакции В, признаваемой наиболее поздней, можно насчитать восемьдесят относительно самостоятельных в сюжетном и пространственно-временном отношении фрагментов-эпизодов — против пятнадцати у Епифания.

В отношении частотности использования форм настоящего исторического все три более поздние редакции Жития Аввакума разительно отличаются от редакции Прянишниковского списка, в которой таких форм немного. Объясняется это обстоятельство, видимо, тем, что автор не сразу решил ориентироваться на устную речь, на сказ. Показательно, что в редакции Прянишниковского списка «живыми», разговорными формами перфекта еще не оттеснены на периферию книжные аорист и имперфект, а свой слог Аввакум пока что не называет «вяканьем». Но и здесь в ряде эпизодов встречаются глаголы в *praesens historicum*, сохраненные в более поздних редакциях. Таков эпизод столкновения протопопа с воеводой Афанасием Пашковым, перенесенный в позднейшие версии Жития: «Привели дощаник; взяли меня палачи, и поставили пред него. Он же стоит и дрожит; шпагою подпершися. Начал мне говорить: „поп ли ты, или роспоп?“ И я отвечал: „аз есмь Аввакум протопоп; что мне и тебе?“ Он же рыкнул, яко дикий зверь, и ударил меня по щеке, и паки по другой, и еще в голову, и драл за власы на дощенике многое время; и сбил меня с ног, ухватя чекан, и ударил лежачева трижды по спине, и разболочки по той же спине семьдесят два удара кнутом палач бил. А я говорю: „Господи, Иисусе Христе, [С]ыне [Б]ожии, помогай мне!“ Да то же, да то же беспрестанно говорю. Так ему горько, что не говорю: „пощади!“ Ко всякому удару молитву говорю, а о середине той вскричал я: „полно бить тово!“ Так он велел перестать. И я промолвил: „за что ты меня бьешь, ведаешь ли?“»¹¹³ Еще один пример: «Потом сел Пашков на стул, шпагою подпершися, а сам задумался и плакать стал; плачючи говорит: „согрешил окаянной, — пролил кровь неповинную, напрасно бил протопопа; за то меня Бог накажет!“»¹¹⁴

Несколько фрагментов с формами *praesens historicum* есть только в ранней редакции Жития. Один — рассказ о поведении протопопа по отношению к церковным властям и самому патриарху Никону: «А егда же мя на судище привлекут, вси судии трепещут и ужасаются, яко от мудрова человека. А я и аза не умею протолковать и свое имя забыл, токмо надеюсь лише крепко на света Христа. Да егда мя волокут, так в то время докучаю [Е]му, [Б]огу мое-

¹¹² Эта черта очевидна при сравнении с «Вопросом и ответом» инока Авраамия — еще одним раннестарообрядческим памятником большого объема с автобиографическими элементами и, судя по всему, с почти протокольной фиксацией событий — у Авраамия форм *praesens historicum* практически нет (исключение — высказывание о поведении новообрядческих архиереев на соборе: «Они же ни мало сему не внимають» (БЛДР. Т. 17. С. 347)). Этим глаголом отмечено экстраординарное событие в судьбе автора — расстрижение. Авраамий, очевидно, полагал возможным использование форм настоящего исторического только при обозначении из ряда вон выходящих событий.

¹¹³ Житие протопопа Аввакума... С. 318—319.

¹¹⁴ Там же. С. 324.

му: „надежда, не покинь! упование, не оставь!“ А сам-таки молитву говорю. Как приведут пред них, так у меня загорится сердце-то, — не разбираю, патрарх ли или ин, понесу косить несеяный плевел посреде пшеницы растущ. Да и то в то время вспомню, что от юности в книгах читал. А с судища сошед и, забуду, что говорил. Опосле сказывают мне, и я лише смеюся пред ними и браню их от писания. И рек: „не боюся я дьявола и вас, боюся света Христа, [О]н мне помощник на вас“. Да уже мне иное вам и сказывать тово, кажитца, не хорошо, да нужда влечет. В крестовой Никон да я да Кокошилов дьяк, много говоря, и лъстя ко мне. А у меня горит сердце-то на него, сердито крошу. И он Кокошилову говорит: „Иван, а Иван, худа гадина протопоп сей, а пострадать мне от него“. И он ему супротив рек: „да и ты-де, государь, учини ему конец“. И он паки: „нельзя, барте, — загорожено, бойся“. Да и отпустил меня. В те поры я шапкою тряхнул: „Отрясаю, — реку, — прах прилепший от ног моих!“ — да и пошел. „Примись, — реку, — за меня, такой-сякой“, — идучи говорю». ¹¹⁵

Конец этого фрагмента — эпизод с Никоном и дьяком Кокошиловым, как точно заметила Н. С. Демкова, — «как бы запись авторского устного рассказа». ¹¹⁶ Действительно, ему присуща «устность», откровенная оральность, проявляющаяся и в лексике (глагол *крошу*, выражение *худая гадина* — видимо, воспроизведение подлинной реальной реплики Никона), эллипсисы — опущение сказуемого в фразе «В Крестовой Никон да я, да Кокошилов дьяк, много творя и лъстя ко мне». (Предложение можно трактовать и как назывное, но номинативные предложения подобного вида тоже характерны для устной речи.) Фрагмент был исключен, вероятно, по нескольким причинам. Первая часть, обобщенно характеризующая споры Аввакума с никонианами, лишена динамики и детализации, свойственных более поздним редакциям Жития, описание выглядит не как изображение конкретных споров, а как абстрактный инвариант целого ряда столкновений. Рассказ же о столкновении с Никоном и Кокошиловым мог быть отброшен из-за «чрезмерной устности», а также потому, что мог производить впечатление мелкой стычки, свары.

Еще один фрагмент из редакции Прянишниковского списка, не вошедший в позднейшие версии Жития, — описание пребывания Аввакума в заключении в Николо-Угрешском монастыре: «...голова со стрельцами стоит день и ночь пред дверьми, аз же пою Богу моему, дондеже есмь». ¹¹⁷ Н. С. Демкова заметила о нем: «Перед читателем возникает — как бы на сцене — остановленная волей художника группа персонажей: стрельцы у дверей „темной полатки“, внутри „полатки“ находится Аввакум, из „полатки“ доносится (именно доносится, иначе нельзя себе этого представить) пение Аввакума: „Аз же пою Богу моему, дондеже есмь...“ Здесь — зрелищно, без детального описания — изображена ситуация, как бы схвачена мгновенно расстановка героев на сцене». ¹¹⁸ Аввакума, возможно, не устроила статичность этой «сцены» и отсутствие в ней мотива противостояния автора-нар-

¹¹⁵ Там же. С. 332.

¹¹⁶ Демкова Н. С. Драматизация повествования в сочинениях протопopa Аввакума. С. 212.

¹¹⁷ Житие протопopa Аввакума... С. 329.

¹¹⁸ Демкова Н. С. Драматизация повествования в сочинениях протопopa Аввакума. С. 214.

ратора гонителям, мотива, который в позднейших редакциях становится инвариантным.

В более поздних редакциях, хотя в целом они схожи в характере и интензивности использования *praesens historicum*, прослеживается усиливающаяся тенденция в употреблении настоящего исторического. Так, в редакции А описывается нападение Ивана Родионовича на Аввакума: «И егда шел путем, наскочил на меня он же паки со двема малыми пищальми и, близ меня быв, запалил из пистолы, и [Б]ожию волею на полке порох пыхнул, а пищаль не стрелила. Он же бросил ея на землю и из другия паки запалил так же, — и та пищаль не стрелила. Аз же прилежно, идучи, молюсь Богу, единою рукою осенил ево и поклонился ему. Он меня даёт, а ему рекл: „благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет!“»¹¹⁹ Точно так же представлены формы настоящего исторического в более ранней редакции Б.¹²⁰ В тексте редакции В использование *praesens historicum* усилено: не «а ему рекл», а «а я ему говорю».¹²¹

Также свидетельствует о более широком использовании форм настоящего исторического в редакции В в сравнении с более ранними фрагмент, посвященный духовной дочери Аввакума Анне: в Тобольске Анна «плачеть, кающаяся» (текст редакции Б),¹²² «плакала и рыдала, кающаяся, бесстыдно порицающая себя» (текст редакции А),¹²³ «Кающаяся, плачет и рыдает» (текст редакции В).¹²⁴

Еще одна замена тоже говорит об интенсификации употребления *praesens historicum* в редакции В в сравнении с более ранними. В тексте редакции А так представлена сцена на Большом Московском соборе 1667 г.: «Так на меня и пущи закричали: „возьми, возьми его! — всех нас обесчестил!“ Да толкать и бить меня стали; и патриархи сами на меня бросились, человек их с сорок, чаю, было, — велико антихристово войско собралось!»¹²⁵ В редакции В сделано дополнение: «Всѣ кричатъ, что татаровя».¹²⁶

Выразительный пример различий редакций Жития в использовании настоящего исторического — эпизод возвращения из Даурии, рассказывающий о бедствиях и злоключениях трудного зимнего пути.

Редакция Б	Редакция А	Редакция В
«Страна варварская: иноземцы немирные; отстать от лошадей <u>не смѣемъ</u> , а за лошадьми итти <u>не поспѣемъ</u> голодные и том-	«Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей <u>не смеем</u> , а за лошадьми итти <u>не поспеем</u> , голодные и томные люди.	«Страна варварская: иноземцы немирные; отстат(ь) от лошадей <u>не смѣем</u> , а за лошад(ь)ми итти <u>не поспѣемъ</u> , голодные и том-

¹¹⁹ Житие протопопа Аввакума... С. 61.

¹²⁰ См.: РИБ. Л., 1927. Т. 39. Стб. 92 (л. 11 об.—12).

¹²¹ Пустозерский сборник. С. 19 (л. 16 об.).

¹²² РИБ. Т. 39. Стб. 144 (л. 70 об.).

¹²³ Житие протопопа Аввакума... С. 118.

¹²⁴ Пустозерский сборник. С. 69 (л. 96 об.).

¹²⁵ Житие протопопа Аввакума... С. 102.

¹²⁶ Пустозерский сборник. С. 53 (л. 72 об.).

<p>ные люди. <u>Бредешь, бредешь</u>, да и ушибеся, поваляся. Иное на протопопицу мою мужикъ взвалился, старикъ бѣдной, томнойже: <u>корамкаются</u> на лду, а встать <u>не могутъ</u>. Протопопица на меня <u>кричить</u>: „долго ли, протопопъ, сего мучения будетъ?“ И я <u>говорю</u>: „Марковна, до самыя смерти подобаеъ намъ Христа ради страдати!“¹²⁷</p>	<p>Протопопица бедная <u>бредет-бредет</u>, да и <u>повалит-ся</u>, — кольско <u>гораздо!</u> В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалился; оба <u>кричат</u>, а встать <u>не могут</u>. Мужик <u>кричит</u>: „матушка-сударыня, прости!“ А протопопица <u>кричит</u>: „что ты, батько, меня задалил?“ Я пришел, — на меня, бедная, <u>пеняет</u>, говоря: „долго ли муки сея, протопоп, будетъ?“ И я <u>говорю</u>: „Марковна, до самыя до смерти!“ Она же вздохня, отвещала: „добро, Петрович, ино еще побредем“¹²⁸</p>	<p>ные люди. В ыную пору протопопица, бѣдная, брела, брела, да и повалилас(ь), а встать <u>не сможет</u>. А иной томной же тут же взвалился: оба <u>корамкаются</u>, а встат(ь) <u>не смогутъ</u>. Опослѣ на меня, бѣдная, <u>пеняетъ</u>: „Долго ль-де, протопопъ, сего мучения будетъ?“ И я ей сказал: „Марковна, до самыя смерти“. Она же противъ того: „Добро, Петрович. И мы еще побредем впрѣд“¹²⁹</p>
--	--	---

Стратегии использования настоящего исторического в трех редакциях фрагмента различны — при том, что уже в редакции Б были найдены выразительные презенсы с раешной рифмой *не смѣемъ—не постѣемъ*, окружающие тягостную ситуацию горько-комическим ореолом и скрашивающие трудность «плавания» протопопа и его «подружия». Артикуляционно выразительный диалектизм *корамкаются* («карабкаются») ¹³⁰ был найден в более ранней редакции Б, отброшен при создании редакции А (возможно, из-за непонятности или «чрезмерной» экспрессивности), но восстановлен в редакции В. Выразительный диалог Настасьи Марковны с «мужиком» из редакции А с использованием презенсов в ремарках был в конце концов исключен как посторонний по отношению к главной теме Жития — страданиям Аввакума, а также его близких. Двойной повтор определенно-личной формы второго лица единственного числа *бредешь* (редакция Б) в обобщенно-личной функции со значением дуративности, характерный для устной речи, был позднее убран — возможно, именно по причине обобщенного значения: для Аввакума более важным оказалось разделение субъектов действия: автора-повествователя и его жены. Интересно появление в редакции В презенсов совершенного вида, означающих невозможность действия (*не сможет, не смогут*) — совершенный вид экспрессивно акцентирует эту невозможность (встать нельзя как бы даже и в будущем). Это черта устной речи. Замена *говорю* более ранних редакций на перфект *сказал* в ремарке при финальной реплике Аввакума в редакции В должна, видимо, подчеркнуть

¹²⁷ РИБ. Т. 39. Стб. 111 (л. 32—32 об.).

¹²⁸ Житие протопопа Аввакума... С. 78.

¹²⁹ Пустозерский сборник. С. 36 (л. 45—45 об.).

¹³⁰ См. о нем: *Кретов А. А.* Славянские этимологии. Воронеж, 2009. С. 173—174.

итоговый характер последнего высказывания автора-повествователя, замыкающего эпизод и как бы закрывающего его. Совершенный вид в отличие от несовершенного, способного обозначать повторяющиеся действия,¹³¹ выделяет завершенность эпизода и смысла реплики.

Таким образом, прослеживается тенденция к возрастанию использования форм настоящего исторического от редакции к редакции Жития,¹³² но она не носит абсолютного характера.¹³³ Интересно, что увеличение количества форм настоящего исторического в редакции В, вызванное, в частности, включением в текст рассказов-припоминаний протопопы о чудесном улове и о путешествии к озеру Шакше, содержащих элементы устной речи, сочетается в этой редакции с достаточно последовательным исключением просторечных элементов.¹³⁴ Замены, связанные с использованием *praesens historicum* в Житии, свидетельствуют об осознанном и очень внимательном его употреблении.

Функции настоящего исторического в аввакумовском произведении разнообразны. В наименьшей степени формы *praesens historicum* используются для простой имитации особенностей устного нарратива. Единственный фрагмент, в котором эти формы регулярно употреблены в монологе, воссоздающем устный рассказ, — повествование Аввакумовой духовной дочери Анны о бывшем ей видении: «Егда-де я в правило задремала и повалилась, приступили ко мне два ангела и взяли меня и вели меня тесным путем. И на левой стране слышала плач, и рыдание, и гласы умиленны. Потом-де меня привели во светлое место, зело гораздо красно, и показали-де многие красные жилища и полаты; и всех-де краше полата, неизреченною красотою сияет паче всех и велика гораздо. Ввели-де меня в нея; ано-де стоят столы, и на них послано бело, и блюда с брашнями стоят. По конец-де стола древо кудряво повевает и красотою разными украшено; в древе-де том птичьи гласы слышала я, а топерва-де не могу про них сказать, каковы умильны и хороши! И подержав-де меня, паки из полаты повели, а сами говорят: знаешь ли, чья полата сия? И аз-де отвечала: не знаю, пустите меня в нея. Она же отвечали: отца твоего, протопопы Аввакума, полата сия. Слушай ево и живи так, как он тебе наказывает персты слагать, и креститца, и кланятца, [Б]огу молясь, и во всем не протився ему, так и ты будешь с ним здесь. А буде не станешь слушать, так будешь в давешнем месте, где плакание то слышала. Скажи жо отцу своему. Мы не беси водили тебя; смотри: у нас папарты; беси-де не имеют тово. И я-де, батюшко, смотрила, — бело у ушей тех их» (текст редакции А).¹³⁵

¹³¹ См. об этом, например: *Зализняк А. А., Шмелев А. Д.* Лекции по русской аспектологии. München, 1997. С. 37, 42. (Slavistische Beiträge / Begr. A. Schmaus; Hrsg. P. Rehder. Bd. 353. Studienhilfen. Bd. 7).

¹³² Некоторые другие примеры, подтверждающие эту тенденцию, рассмотрены ниже.

¹³³ Необходимо учитывать, что между редакциями А и В, как показала Н. С. Демкова, нет прямой связи — Аввакум не обращался при работе над последней версией Жития к версии А, а воспроизвел ряд ее фрагментов по памяти; см.: *Демкова Н. С.* Житие протопопы Аввакума. (Творческая история произведения). С. 67—106.

¹³⁴ О славянизации языка Жития в редакции В см., например: *Демкова Н. С.* История создания Пустозерского сборника Заволоко и текстологические проблемы его изучения // Пустозерский сборник. С. 165—166.

¹³⁵ Житие протопопы Аввакума... С. 117—118.

Этот монолог похож на видение Григорием райской обители святого Василия из переводного Жития Василия Нового: роскошного дворца, где были прекрасные златолиственные деревья с цветами, источающими благовоние. Можно предположить, что видение Анны или создано самим Аввакумом на основе свидетельств из Жития Василия, или отражает реальное визионерство духовной дочери протопопа, навеянное чтением этого эпизода из агио-биографии Василия либо, скорее, знакомством с его парафразами, в том числе, вероятно, в проповедях самого Аввакума. В церковнославянском тексте Жития Василия *praesens historicum* не используется (здесь употребляются аористы и имперфеты).¹³⁶ Аввакум либо отчасти воссоздал особенности устной речи Анны, либо создал ее сам на основе своих припоминаний о беседе с женщиной, стилизовав под устный монолог. Речь Анны — это, конечно, не «протокольная» запись ее настоящего рассказа, но *praesens historicum* придает ей ореол оральности. Вместе с тем в ней присутствуют и такие книжные элементы, как библеизм *тесный путь* (ср.: Мф. 7: 13—14) и ряд однородных членов «плач, и рыдание, и гласы умиленны» с постпозицией атрибутива при церковнославянизме *гласы*. Показательно также, что, воссоздавая реплики действующих лиц, Аввакум, как многократно отмечалось,¹³⁷ иногда вкладывает в их уста слова из Писания: установка на оральность при воспроизведении этих речей сочетается в Житии с условностью.

Очень часто формы настоящего исторического, создавая «эффект присутствия» повествователя и читателя при описываемых событиях, реализуют установку на визуальность, зримость. Пример с исполняющим песнопения Аввакумом и стерегущими его стрельцами был уже приведен выше. Еще один фрагмент: эпизод с Аввакумом и «начальником» Евфимием Степановичем — прием был найден Аввакумом уже в редакции Б, и в дальнейшем текст фрагмента не изменялся: «...прибѣжали от него и зовут меня к нему с великими слезами: „батюшко государь! Евфимей Степановичъ при кончинѣ <...>“. <...> Егда же привезоша мя на дворъ, выбѣжала жена ево Неонила и ухватила меня под руки, а сама говорить: „поди-тко, государь нашъ батюшко, поди-тко, нашъ кормилец!“ И я сопротивно говорю: „чюдо! давеча былъ блядинъ сын, а топерво: батюшко! Болшо у Христа шелепуга-та: скоро повинился муж твой!“ Ввела меня в горницу. Вскочилъ с перины Евфимей, паль пред ногама моима, вопить неизреченно: „прости, государь батюшко, согрѣшилъ пред Богомъ и пред тобою!“ А сам дрожить весь».¹³⁸

Выразительная деталь — описание «оживших» церковных одеяний, движением которых бесовские силы пытаются запугать протопопа: «И егда в трапезу вошел, тут иная бесовская игра: мертвец на лавке в трапезе во гробу стоял, и бесовским действием верхняя раскрылася доска, и саван шевелитца стал, устрашая меня. Аз же, [Б]огу помолясь, осенил рукою мертвеца, и бысть по-прежнему все. Егда ж в олтарь вошел, ано ризы и стихари летают с места на место, устрашая меня» (текст редакции А).¹³⁹ В тексте редакции В усилена роль *praesens historicum* (добавлены глаголы «шумят» и «действи-

¹³⁶ *Вилинский Г. С.* Житие св. Василия Нового в русской литературе. Одесса, 1911. Ч. 2. С. 654 (текст Первой русской редакции, включенной в Великие Минеи Четии).

¹³⁷ См., например: *Виноградов В. В.* О задачах стилистики. С. 213—214.

¹³⁸ РИБ. Т. 39. Стб. 93—94 (л. 13 об.—14).

¹³⁹ Житие протопопа Аввакума... С. 119.

ет»), к визуальному эффекту добавлен акустический: «...ано ризы и стихари шумять и летают с мѣста на место: дьявол действует, меня устрашая».¹⁴⁰ Еще один пример визуализации эпизода с помощью форм настоящего исторического — катастрофа с дощеником, на котором плыла семья протопопа: корабль начал тонуть «одны полубы наверху, а то все в воду ушло. Жена моя робять кое-как вытаскала наверх, а сама ходит простоволоса, в забытьи ума, а я, на н(е)бо глядя, кричу как дуративности, так и: „Г(о)с(под)и, спаси! Г(о)с(под)и, помози!“» (текст редакции В).¹⁴¹ В более ранней редакции А зримость сцены была еще не столь яркой: вместо глагольной формы *praesens historicum* в описании Настасьи Марковны здесь использовалось деепричастие *ходя*.¹⁴² В тексте редакции В Аввакум восстановил более раннюю форму *ходит* из редакции Б.¹⁴³ В обоих процитированных фрагментах формы настоящего исторического используются в процессном значении, очерчивая ситуацию в целом.

Поскольку в *praesens historicum* нейтрализуется оппозиция совершенный—несовершенный вид, характерная для форм прошедшего времени, глаголы в форме настоящего исторического, обладающие потенциальным признаком итеративности, могут фиксировать как единичные, так и повторяющиеся события. Аввакум использует эту особенность в уже процитированном описании странствий по ледяной сибирской пустыне (текст редакции А), придавая единичным событиям значение повторяемости: «Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится, — кольско гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: „матушка-государыня, прости!“ А протопопица кричит: „что ты, батько, меня задавил?“ Я пришел, — на меня, бедная, пеняет, говоря: „долго ли муки сея, протопоп, будет?“ И я говорю: „Марковна, до самыя до смерти!“».¹⁴⁴ Перфекты *повалилась* и *набрел* свидетельствуют о том, что произошедшее с Настасьей Марковной и «томным мужиком» — скорее единичный случай, чем обобщенное описание серии одинаковых происшествий. Тем не менее употребление презенсов *кричат*, *кричит*, *пеняет*, *говорю*, обладающих потенциальной итеративностью, создает эффект повторяемости ситуаций, поддержанный выражением *в ыную пору* и финальной репликой протопопа, честно объявляющего супруге, что такие мучения ждут ее всю жизнь.

Употребление форм настоящего исторического в Житии также часто призвано акцентировать длительность обозначаемого действия или состояния. В приведенном фрагменте, посвященном тяготам сибирских странствий, дуративность выражена с помощью повтора лексемы *бредет* (*бредет-бредет*) — приема, характерного для устной речи. Автор Жития неоднократно использует единичные формы настоящего исторического в окружении форм прошедшего времени, акцентирует эту реальную или потенциальную длительность: «У вдовы начальник отнял дочь, и аз молих его, да же сиротину возвратит к матери, и он, презрев моление наше, и воздвиг на мя бурю, и у

¹⁴⁰ Пустозерский сборник. С. 70 (л. 98).

¹⁴¹ Там же. С. 28 (л. 32).

¹⁴² Житие протопопа Аввакума... С. 70.

¹⁴³ См.: РИБ. Т. 39. Стб. 103 (л. 23). В редакции Прянишниковского списка эпизода нет.

¹⁴⁴ Житие протопопа Аввакума... С. 78 (текст редакции А).

церкви, пришед сонмом, до смерти меня задавили. И аз лежа мертв полчаса и больши, и паки оживе [Б]ожиим мановением. И он, устрашася, отступился мне девицы. Потом научил ево дьявол: пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги по земле в ризах, а я молитву говорю в то время»¹⁴⁵ (молитва, очевидно, читается неоднократно); «Он же рыкнул, яко дивий зверь, и ударил меня по щоке, таже по другой и паки в голову, и сбил меня с ног и, чекан ухватя, лежачева по спине ударил трижды и, разболокши, по той же спине семьдесят два удара кнутом. А я говорю: „[Г]осподи Исусе Христе, [С]ыне [Б]ожий, помогай мне!“ Да то ж, да то ж беспрестанно говорю. Так горько ему, что не говорю: „пощади!“»¹⁴⁶ (молитва повторяется Аввакумом); «А как приехали после меня на другой порог, на Падун, 40 дощеников все прошли в ворота, а ево, Афонасьев, дощеник, — снасть добрая была, и казаки все шесть сот промышляли о нем, а не могли взвести, — взяла силу вода, паче же рещи — [Б]ог наказал! Стащило всех в воду людей, а дощеник на камень бросила вода; чрез ево льется, а в нево не идет. Чюдо, как то [Б]ог безумных тех учит! Он сам на берегу, боярня в дощенике. И Еремей стал говорить: „батюшко, за грех наказует [Б]ог! напрасно ты протопопа тово кнутом тем избил; пора покаятца, государь!“ Он же рыкнул на него, яко зверь, и Еремей, отклонясь к сосне, прижав руки, стоя — „Господи, помилуй!“ — говорит» (молитва, очевидно, повторяется Еремеем).¹⁴⁷

Формы *praesens historicum* неоднократно используются для акцентирования страданий и мучений автора-повествователя — это одна из их главных функций: «Воевода с пушкарями прибежали и, ухватя меня, на лошади умчали в мое дворишко; и пушкарей воевода около двора поставил. Людие же ко двору приступают, и по граду молва велика. Наипаче ж попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят: „убить вора, блядина сына, да и тело собакам в ров кинем!“»;¹⁴⁸ «Сняли большую чепь да малую наложили. Отдали чернцу под начал, велели волочить в церковь. У церкви за волосы дерут, и под бока толкают, и за чепь торгают, и в глаза плюют». ¹⁴⁹ Весьма выразителен первый из этих двух фрагментов, где действия спасителей Аввакума обозначены глаголами с перфектным значением (перфектами совершенного вида), указывающими на однократность и завершенность действий, в то время как поведение гонителей описано глаголами в форме настоящего исторического несовершенного вида с дуративной семантикой, акцентирующими ненависть гонителей. Во втором фрагменте протяженность страданий Аввакума и неперестающая ярость его врагов акцентированы благодаря итеративной семантике глаголов. Глаголы в *praesens historicum* могут усиливать ощущение тревожного ожидания нарратора, которому угрожают пытка и смерть, — таким образом читатель как бы оказывается в эпизоде на месте автора-повествователя: «А в те поры Пашков меня и к себе не пускал. Во един от дней учредил застенок и огонь росклат — хочет меня пытать. Я ко исходу душевному и молитвы проговорил; ведаю ево стряпанье, — после огня тово мало у него живут. А сам жду по себя и, сидя, жене плачущей и детям говорю:

¹⁴⁵ Там же. С. 61.

¹⁴⁶ Там же. С. 71.

¹⁴⁷ Там же. С. 81.

¹⁴⁸ Там же. С. 61.

¹⁴⁹ Там же. С. 66.

„воля [Г]осподня да будет! Аще живем, [Г]осподеви живем; аще умираем, [Г]осподеви умираем“. А се и бегут по меня два палача». ¹⁵⁰ Глагол *говорю* благодаря нейтрализации оппозиции совершенный—несовершенный вид в презенсе может быть понят и как обозначение единичного высказывания, и как указание на многократное повторение утешающей цитаты из Писания (Рим. 14: 8). Дуративная семантика глагола *бегут* перекликается с дважды употребленным глаголом *умираем*, тоже имеющим процессное значение.

Очень выразительно также использование формы *praesens historicum* в высказывании Аввакума об Афанасии Пашкове: «А онъ, Афонасей, навѣтуя, мнѣ безпрестанно смерти ищет» (текст редакции В). ¹⁵¹ Ярость Пашкова на Аввакума благодаря глаголу настоящего времени *ищет* представлена как неизбежная, неизменная, как будто бы и сейчас, в условный момент повествования, владеющая воеводой. (О примирении Пашкова с протопопом общается далее, ко времени написания этой редакции Пашков умер.) Собственную непримиримость к гонителям Аввакум экспрессивно проявляет в словах по поводу царского указа о помещении протопопы в земляную тюрьму на хлеб и воду и об урезании языков и отсечении перстов другим пустозерским страдальцам: «И я, плонувъ на землю, говорилъ: „Я, реку, плюю на его кормлю; не едше умру, а не предамъ бл(а)говѣрия“». ¹⁵² Перформативный презенс *плюю*, дублирующий деепричастие *плюнув*, которое обозначает совершенное перед произнесением реплики действие, здесь соседствует с формой настоящего исторического *реку*, которая в свой черед дублирует лексему в прошедшем времени *говорил*. Действие и реплика благодаря такой игре с глагольными темпоральными формами словно разворачиваются одновременно в двух пластах времени: в прошлом и настоящем, а слова протопопы — его формула исповедания, — сохраняя значение реакции на конкретный случай, приобретают смысл вечного нерушимого принципа.

Формы настоящего исторического в Житии также отмечают поворотный пункт, пуант в сюжете эпизода или в ситуации. Так, формы *praesens historicum* маркируют переломный момент в судьбе Церкви — начало Никоновых реформ и реакцию на них Аввакума и его окружения: «Царь ево (Никона. — А. Р.) и послушал, и пишет к нему послание навстречу»; ¹⁵³ «Таже Никон в памяти пишет»; «Мы же задумалися, сошедшея между собою; видим, яко зима хошет быти; сердце озябло, и ноги задрожали». ¹⁵⁴ *Praesens historicum* может также маркировать границу между пространством посясторонним и миром видения: «Егда же забыхся, вижу на некоем месте церковь и образ Спасов, и крест по латыни написан» (текст редакции В). ¹⁵⁵ В этих примерах употребление форм настоящего исторического традиционнo, так как акцентируются объективно значимые события — как у Пахомия Логофета или у других агиографов.

Однако употребление *praesens historicum* Аввакумом может выделять и переломный момент в душевном состоянии отдельного лица. (Используй-

¹⁵⁰ Там же. С. 82.

¹⁵¹ Пустозерский сборник. С. 34 (л. 41 об.).

¹⁵² Там же. С. 57 (л. 78 об.).

¹⁵³ Житие протопопы Аввакума... С. 64 (текст редакции А).

¹⁵⁴ Там же. С. 65 (текст редакции А).

¹⁵⁵ Пустозерский сборник. С. 70 (л. 99).

ние этих форм для обозначения длительного состояния, в частности глагол *дрожит*, уже встречалось в приведенных выше цитатах.) Таков пример с Афанасием Пашковым: «Сел Пашков на стул, шпагою подперся, задумався и плакать стал, а сам говорит: „согрешил, окаянной, пролил кровь неповинну, напрасно протопоп бил; за то меня наказует Бог!“»¹⁵⁶ Здесь с помощью настоящего исторического подчеркнута единичная реплика, причем презенс выразительно контрастирует с претеритами, являясь последним звеном в цепочке однородных сказуемых. Видимо, употребление в этом случае *praesens historicum* в цепи перфектов показалось несколько неожиданным для автора Жития¹⁵⁷ и в редакции В он сделал замену: «плакав, говорил».¹⁵⁸

С помощью глаголов в *praesens historicum* выделяются реплики как Аввакума, так и других действующих лиц — высказывания, которым автор Жития придает особенный смысл. Вот два примера, относящиеся к встречам протопоп и царя: «Государь меня тотчас к руке поставить велел, и слова милостивые говорил: „Здорово ли де, протопоп, живеш? Еще-де видетца Бог велел!“ И я сопровтив руку ево поцеловав и пожал, а сам говорю: „Жив Господь и жива душа моя, царь-государь! А впредь — что изволит Бог!“ Он же, миленькой, вздохнул, да и пошел куды надобе ему»; «Велел меня поставить на монастырьском подворье в Кремли, и в походы мимо двора моего ходя, кланялся часто со мною, низенько-таки, а сам говорит: „Благослови-де меня и помолися о мне!“».¹⁵⁹ Реплика Аввакума — словесная формула приятия протопопом своей горькой судьбы и выражение веры в Провидение. Высказывание царя — признание Аввакумовых правоты и духовной власти. Благодаря тому что в обеих ремарках, которые сопровождают высказывания протопоп и царя, встречается один и тот же глагол *говорю/говорит* в форме *praesens historicum* (выделяющийся на фоне перфектов), две реплики (стоящие в тексте недалеко одна от другой) словно скрещиваются, обозначая позиции двух симпатизирующих друг другу антагонистов. С помощью ремарок, использующих формы настоящего исторического, в Житии представлена трагическая ситуация непреодолимой пропасти, разделившей учителя «древлего благочестия» и православного государя.

Глагол *говорити* в *praesens historicum* маркирует реплики, в которых выражены самые разные душевные состояния и эмоции. Это покаянное чувство автора-повествователя и жажда наказания: «Таже лег среди горницы и велел всякому человеку бить себя плетью по пяти ударов по окаянной спине: человек было с дватцеть, — и жена, и дети, все, плачючи, стегали. А я говорю: „аще кто бить меня не станет, да не имать со мною части во царствии небеснем!“»¹⁶⁰ Это страх перед лицом угрозы: «И Еремей, отклонясь к сосне, прижав руки, стоя — „Господи, помилуй!“ — говорит».¹⁶¹ Это недоумение: «И помоляся, взявъ сѣти, в воде з дѣтьми бродя, положили сѣти. Дети

¹⁵⁶ Житие протопоп Аввакума... С. 81 (текст редакции А).

¹⁵⁷ Обычно — в устной речи — глагол в *praesens historicum* вслед за глаголом или глаголами в перфектном прошедшем времени выражает значение некоего итога и одновременно неожиданного действия (наподобие *подошел ко мне и говорит*). Между *сел, подперся* и *говорит* таких смысловых отношений нет.

¹⁵⁸ Пустозерский сборник. С. 39 (л. 50 об.).

¹⁵⁹ Житие протопоп Аввакума... С. 88.

¹⁶⁰ Там же. С. 115.

¹⁶¹ Там же. С. 81.

на меня, бѣдные, кручиняся, говорят: „Батюшко, к чему гноит(ь) сѣти-те? Видиш ли, и воды нѣту, какой быть рыбе?“». ¹⁶²

Тематически среди глаголов, употребляемых в *praesens historicum*, выделяется именно относящийся к речевому акту, к коммуникации глагол *говорити*. Он наиболее частотный среди глаголов в форме *praesens historicum*. Только в форме первого лица единственного числа, отнесенный к автору-повествователю, он употребляется в редакции А двадцать пять раз, двадцать четыре — в форме третьего лица единственного числа, шесть — в форме третьего лица множественного числа. По количеству употреблений он на порядок превосходит любой другой глагол в форме настоящего исторического. ¹⁶³

Акцентирование речевых актов с помощью этого глагола объясняется особым вниманием автора Жития к устному, звучащему слову. Человек для книжника прежде всего субъект речи, тот, кто обладает словом: он говорит, плачет, «захлипается», кричит, вопит. В этом одно из отличий автоагиографии Аввакума от автобиографического повествования Епифания Соловецкого, в котором глаголы *говорю* и *реку* в *praesens historicum* не употребляются ни разу, в то время как *вижу* в этой роли используется десять раз (один из них — в речи охотника, пришедшего к старцу), а *зрю* — пять. ¹⁶⁴ Причиной такого пристрастия к настоящему историческому глаголу *говорити* является приверженность Аввакума «драматической» форме изображения. Аввакум, отнюдь не пренебрегающий визуализацией событий, все же в отличие от Епифания не столько «видит», сколько «слышит» происходящее. В. Е. Гусев заметил о творении протопопа: «Иногда в Житии возникают целые драматические миниатюры», ¹⁶⁵ а Н. С. Демкова показала, что такая драматизация является одним из доминантных приемов в творчестве Аввакума, в том числе и в его автоагиографии. ¹⁶⁶ Эта установка и проявляется в акцентировании реплик или диалогов посредством ремарок с глаголами в *praesens historicum*. К примерам, содержащимся в уже приведенных цитатах, добавим лишь один: «У сего келаря Никодима попросился я на [В]елик день для праздника отдохнуть, чтоб велел, дверей отворя, на пороге посидеть; и он, меня наругав, и отказал жестоко, как ему захотелось; и потом, в келию пришед, разболелся: маслом соборовали и причащали, и тогда-сегдадохнет. То было в понедельник светлой. И в нощи против вторника прииде к нему муж во образе моем, с кадилом, в ризах светлых, и покадил ево и, за руку взяв, воздвигнул, и бысть здрав. И притече ко мне с келейником ночью в темницу, — идучи говорит: „блаженна обитель, — таковыя имеет темницы! блаженна темница — таковых в себе имеет страдальцов! блаженны и юзы!“ И пал предо мною, ухватился за чепь, говорит: „прости, [Г]оспода ради, про-

¹⁶² Пустозерский сборник. С. 73 (л. 102 об.).

¹⁶³ Два раза также в настоящем историческом употреблен глагол *реку*. Все подсчеты по тексту редакции А.

¹⁶⁴ У Аввакума (подсчеты по тексту редакции А) глагол *вижу* употреблен пять раз, *зрю* — не используется. Епифаний в противоположность Аввакуму не употребляет глаголы со значением говорения в формах настоящего исторического.

¹⁶⁵ Гусев В. Е. Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII века // Житие протопопа Аввакума... С. 42.

¹⁶⁶ См.: Демкова Н. С. Драматизация повествования в сочинениях протопопа Аввакума. С. 210—230.

сти, согрешил пред [Б]огом и пред тобою; оскорбил тебя, — и за сие наказал мя [Б]ог“. И я говорю: „как наказал? повеждь ми“. И он паки: „а ты-де сам, приходя и покадя, меня пожаловал и поднял, — что-де запираешься!“ А келейник, тут же стоя, говорит: „я, батюшко государь, тебя под руку вывел из кельи, да и поклонился тебе, ты и пошел сюды“». ¹⁶⁷

Композиционная функция *praesens historicum* в Житии протопопа Аввакума — обозначение кульминации и/или развязки в сюжетах эпизодов. Примеры — рассказы о преследовании протопопа прихожанами, светскими и церковными властями, столкновения с воеводой Пашковым, повествование о прощении с обреченными на верную смерть казаками отряда Еремея Пашкова, истории об Аввакуме и окормляемых им, об Аввакуме и «бешаных». Некоторые из этих фрагментов уже были приведены выше. Ограничусь анализом рассказа о походе отряда, который Аввакум своим молением к Богу обрек на гибель. Пашков-отец перед походом отряда сына в «Мунгальскую землю» обратился к шаману, чтобы узнать об исходе предприятия. Кудесник предсказал удачу. «И воеводы ради, и все люди радуясь говорят: „богаты приедем!“». Первый глагол в *praesens historicum* обозначает завязку сюжета. Аввакум молит Бога о гибели экспедиции, чтобы люди не соблазнились бесовскими гаданиями о будущем, но в то же время переживает за обрекаемых на гибель: «В то время жаль мне их: видит душа моя, что им побитым быть, а сам таки на них погибели молю. Иные, приходя, прощаются ко мне; а я им говорю: „погибнете там!“». Такова первая кульминация, отмеченная глаголом *говорю* в *praesens historicum*. Отряд пропал без вести. Пашков-старший желает подвергнуть протопопа пытке — Аввакум ожидает смерти: «Во един от дней учредил застенки и огонь расклал — хочет меня пытать. Я ко исходу душевному и молитвы проговорил; ведаю ево стряпанье, — после огня тово мало у него живут. А сам жду по себя и, сидя, жене плачущей и детям говорю: „воля [Г]осподня да будет! <...>“. А се и бегут по меня два палача. Чюдно дело Господне и неизреченны судьбы [В]ладычни! Еремей ранен сам-друг дорошкою мимо избы и двора моего едет, и палачей вскричал и воротил с собою». Это вторая и главная (относящаяся к Аввакуму) кульминация, отмеченная глаголом *говорю* в настоящем историческом. «И Еремей, поклоняся со отцем, вся ему подробну возвещает: как войско у него побили все без остатку, и как ево увел иноземец от мунгальских людей по пустым местам, и как по каменным горам в лесу, не ядше, блудил седьмь дней <...> и как моим образом человек ему во сне явился и, благословя ево, указал дорогу, в которую страну ехать; он же, вскоча, обрадовался и на путь выбрел. Егда он отцу рассказывает, а я пришел в то время поклонитися им. Пашков же, возвед очи свои на меня, — слово в слово что медведь морской белой, жива бы меня проглотил, да [Г]осподь не выдаст! — вздохня, говорит: „так-то ты делаешь? Людей тех погубил столько!“ А Еремей мне говорит: „батюшко, поди, государь, домой! молчи для Христа!“ Я и пошел». ¹⁶⁸ А это развязка, обозначенная диалогом и двумя глаголами *говорит* в настоящем историческом.

Таким образом, если до Епифания Соловецкого и Аввакума употребление *praesens historicum* в древнерусской книжности было мотивированно объ-

¹⁶⁷ Житие протопопа Аввакума... С. 97—98.

¹⁶⁸ Житие протопопа Аввакума... С. 80, 82.

ективной значимостью обозначаемого им состояния или события, то у создателей обоих автобиографических житий, но у Аввакума в несоизмеримо большей мере, чем у его соузника по пустозерскому темничному сидению, само использование настоящего исторического становится средством надления соответствующих действия или ситуации значимостью. И Епифаний, и Аввакум предпочитают использовать формы настоящего исторического с процессной семантикой, в чем проявляется связь с письменной некнижной традицией и с устным нарративом. Аввакум часто стремится к актуализации процессного (дуративного и итеративного) смысла глаголов, как бы задерживая, «растягивая» действие или наделяя однократное событие потенциальной повторяемостью. При этом в формах *praesens historicum* оказывается возможным писать о самых разных действующих лицах: Аввакум в отличие от Епифания, акцентирующего с помощью глаголов в настоящем историческом только действия сверхъестественных сил и собственные переживания и ощущения, не эгоцентричен. Но подобно тому как в Житии сакральное начало определяется присутствием автора-повествователя в жизненном пространстве и в пространстве текста,¹⁶⁹ так и употребление *praesens historicum* в Житии мотивировано точкой зрения нарратора, решающего, что именно должно быть изъято из потока времени, и берущего на себя смелость сказать: *Мгновение, остановись!*¹⁷⁰ — Аввакум делает это мастерски.

До Аввакума и в его время (даже еще у Епифания) конвенции превалировали над авторской интенцией. Аввакум, не отбрасывая конвенций, принятых в церковной книжности, делает их соблюдение или нарушение предметом свободного выбора. Вместе с тем он, во многом ориентируясь на форму устного нарратива, не подчиняет полностью свое повествование и принципам устного слова, сказа. Используя формы настоящего исторического как маркер, выделяющий особенно значимую информацию, Аввакум, по-видимому, учитывает употребление таких форм в житиях; обозначая с их помощью длящиеся процессы и действия и создавая зримые сцены, он ориентируется на некнижную письменность и на устный нарратив, в том числе, видимо, на Житие и рассказы старца Епифания. Аввакум одновременно творит в рамках традиции и взрывает ее изнутри. Поэтому он по-своему более оригинален, чем «откровенные» новаторы — его современники, такие, как Симеон Полоцкий и другие барочные стихотворцы. Разнообразное употребление *praesens historicum* — одно из проявлений аввакумовского новаторства.

¹⁶⁹ См. об этом: *Hunt P. The Autobiography of the Archpriest Avvakum. Structure and Function // Ricerche Slavistiche. 1975/1976. Vol. 27/28. P. 155—176.*

¹⁷⁰ А. В. Бондарко заметил по поводу двух существующих трактовок соотношения времени события и времени повествования в настоящем историческом: «Переносится ли говорящий в прошлое или прошлое переносится в настоящее — по существу, в том и другом случае речь идет о двух сторонах, о двух психологических предпосылках одного и того же (с лингвистической точки зрения) явления — актуализации прошлого» (*Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). С. 143*). Так как обе трактовки равно допустимы, можно сказать, что при использовании *praesens historicum* происходит нейтрализация оппозиции прошлое—настоящее, создающая эффект изъятия события или ситуации из потока времени.

Список литературы

- Авраамий, инок.* Книга глаголема челобитная // Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством Святого Петра Митрополита, под редакцией Н. Субботина. М., 1885. Т. 7. С. 259—385.
- БЛДР. СПб., 1999. Т. 6: XIV—середина XV века. 583 с.
- БЛДР. СПб., 1999. Т. 7: Вторая половина XV века. 581 с.
- БЛДР. СПб., 2013. Т. 17: XVII век. 660 с.
- Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола (значение и употребление). Пособие для студентов. М., 1971. 239 с.
- Василькина Л. В.* Типы глагольных основ и выражение ими видовых отношений в нижегородской письменности XVII в. (на материале произведений протопопа Аввакума). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1997. 24 с.
- Вилинский Г. С.* Житие св. Василия Нового в русской литературе. Одесса, 1911. Ч. 2: Тексты Жития. 1018 с.
- Виноградов В. В.* О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // Русская речь. Сборники статей / Под ред. Л. В. Щербы. Пг., 1923. [Ч.] I. С. 195—293 (Труды фонетического института практического изучения языков / Под ред. И. Э. Гиллельсона).
- Виноградов В. В.* К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 371—379.
- Виноградов В. В.* Русский язык. (Грамматическое учение о слове). Учебное пособие для вузов / Отв. ред. Г. А. Золотова. 3-е изд., испр. М., 1986. 640 с.
- Гашнева [Новикова] М. В.* Настоящее историческое событийное: устное повествование и книжная традиция // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2012. № 3. С. 103—109.
- Горбунова Е. А. (Мишина).* Функционирование настоящего исторического в восточнославянских памятниках XI—XV веков // AION Slavistica. Annali dell' Istituto universitario Orientale di Napoli. Sectione Slavistica. Napoli, 2000. Vol. 5 (1997—1998). P. 247—285.
- Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. Учебное пособие для университетов. М., 1981. 359 с.
- Гусев В. Е.* Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII века // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / Под ред. Н. К. Гудзия; Подгот. текста и коммент. Н. К. Гудзия, В. Е. Гусева, А. С. Елеонской, А. И. Мазунина, В. И. Малышева, Н. С. Сарафановой. М., 1960. С. 5—51.
- Демкова Н. С.* Житие протопопа Аввакума: (Творческая история произведения) / Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. Л., 1974. 168 с.
- Демкова Н. С.* Сочинения протопопа Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества. Материалы и исследования. СПб., 1998. 329 с.
- Дробленкова Н. Ф.* Ранняя редакция Жития Епифания // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 223—242.
- Духанина А. В.* Морфологические нормы в сочинениях Епифания Премудрого (система глагола). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 26 с.
- Живов В. М.* История языка русской письменности. М., 2017. Т. 1. 816.
- Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / Под ред. Н. К. Гудзия; Подгот. текста и коммент. Н. К. Гудзия, В. Е. Гусева, А. С. Елеонской, А. И. Мазунина, В. И. Малышева, Н. С. Сарафановой. М., 1960. 480 с.
- Зализняк А. А., Шмелев А. Д.* Лекции по русской аспектологии. München, 1997. (Slavistische Beiträge / Begr. A. Schmaus; Hrsg. P. Rehder. Bd. 353. Studienhilfen. Bd. 7). 151 с.
- Иванова М. В.* Древнерусская агиография конца XIV—XV веков как источник истории русского литературного языка. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1998. 43 с.
- Иванова М. В.* Древнерусские жития конца XIV—XV веков как источник истории русского литературного языка. М., 1998. 232 с.

Иванова М. В. Разговорные компоненты в структуре древнерусских литературных текстов середины XV в. // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика. 2013. № 28. С. 5—11.

Карманова О. Я. Автобиографическая записка соловецкого инокa Епифания (к проблеме мотивации текста) // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.). М., 1999. С. 255—260.

Кретов А. А. Славянские этимологии. Воронеж, 2009. 364 с.

Крушельницкая Е. В. Автобиография и житие в древнерусской литературе. (Исследования и тексты). СПб., 1996. 367 с.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд., доп. Л., 1971. 414 с.

Мартирий Зеленецкий и основанный им Троицкий монастырь / Изд. подгот. Е. В. Крушельницкой. СПб., 1998. 262 с.

Матхаузерова С. Функция времени в древнерусских жанрах // ТОДРЛ. М.; Л., 1972. Т. 27. С. 227—235.

Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Praha, 1976. 145 с.

Меркулова М. В. Речевая структура образа автора в Житии протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 319—331.

Мишина Е. А. Настоящее историческое в восточнославянских памятниках XI—XV веков // Древние языки в системе университетского образования. Исследование и преподавание. М., 2001. С. 197—212.

Новикова М. В. Особенности нарративных функций видо-временных форм в севернорусских былинах в сопоставлении с памятниками русской письменности XII—XVII вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 22 с.

Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика вида. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика времени в нарративе. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. 480 с.

Пентковская Т. В. Настоящее историческое в Чудовской редакции Нового Завета // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2008. № 4. С. 9—29.

Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным / Текст подгот. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. Л., 1979. (Сер. «Литературные памятники»). 431 с.

Пиккио P. Slavia Orthodoxa. Литература и язык / Отв. ред. Н. Н. Запольская, В. В. Калугин; Ред. М. М. Сокольская. М., 2003. 720 с.

Плюханова М. Б. Комментарий // Пустозерская проза. Сборник / Сост., предисл., коммент., пер. отдельных фрагментов М. Б. Плюхановой. М., 1989. С. 312—364.

Plukhanova M. Традиционность и уникальность сочинений протопопа Аввакума в свете традиции Третьего Рима // Christianity and the Eastern Slavs. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1993. Vol. 1: Slavic Cultures in the Middle Ages / Ed. B. Gasparov, O. Ravevsky-Hughes. P. 297—326. (California Slavic Studies. Vol. 16: Slavic Culture in the Middle Ages).

Повести о житии Михаила Клопского / Подгот. текстов и статьи Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958. 171 с.

Понырко Н. В. Кирилло-Епифаниевский житийный цикл // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 154—169.

Преподобный Елеазар, основатель Свято-Троицкого Анзерского скита / Изд. подгот. С. К. Севастьянова. СПб., 2001. 448 с.

Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова. Л., 1975. 263 с.

Ранчин А. М. Автобиографические повествования в русской литературе второй половины XVI—XVII вв. Повесть Мартирия Зеленецкого, Записка Елеазара Анзерского, жития Аввакума и Епифания. Проблема жанра // Ранчин А. М. Вертоград златословный. Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. С. 233—247.

Робинсон А. Н. Аввакум и Епифаний. (К истории общения двух писателей) // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 391—403.

Робинсон А. Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. Исследование и тексты / Отв. ред. Н. К. Гудзий. М., 1963. 316 с.

- Руди Т. Р.* Выговское Житие инока Епифания (публикация текста) // ТОДРЛ. СПб., 2017. Т. 65. С. 495—542.
- РИБ. Л., 1927. Т. 39 (Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1. Вып. 1). ХСVII с. + 960 стб.
- Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 784 с.
- Семаков В. В.* О стилистической маркированности аориста и имперфекта в языке Жития протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 404—409.
- Тоняева Д. Б.* Житие Андрея Юродивого в славянском переводе XIV века: особенности языка и переводческой техники. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 25 с.
- Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI—XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М., 2002. 558 с.
- Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. 753 с.
- Чернов В. А.* Система глагольных форм в «Житии» Аввакума // Лингвистический сборник. Свердловск, 1963. Вып. 1. С. 45—70.
- Шевелева М. Н.* Состояние грамматической нормы употребления видов-временных форм глагола в книжно-литературном языке Северо-Восточной и Северо-Западной Руси XV—XVI вв. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 327 с.
- Шмид В.* Нарратология. М., 2003. 312 с.
- Timberlake A.* Avvakum's Aorists // Russian Linguistics. 1995. Vol. 19. P. 25—43.
- Hunt P.* The Autobiography of the Archpriest Avvakum. Structure and Function // Ricerche Slavistiche. 1975/1976. Vol. 27/28. P. 155—176.

References

- Aвраамий, инок.* Книга glagolemaja chelobitnaja // Materialy dlja istorii raskola za pervoe vremja ego sushchestvovanija, izdavaemye Bratstvom Svjatogo Petra Mitropolita, pod redakciej N. Subbotina. M., 1885. T. 259—385.
- BLDR. SPb., 1999. T. 6: XIV—seredina XV veka. 583 s.
- BLDR. SPb., 1999. T. 7: Vtoraja polovina XV veka. 581 s.
- BLDR. SPb., 2013. T. 17: XVII vek. 660 s.
- Bondarko A. V.* Vid i vremja russkogo glagola (znachenie i upotreblenie). Posobie dlja studentov. M., 1971.
- Vasil'kina L. V.* Tipy glagol'nyh osnov i vyrazhenie imi vidovyh otnoshenij v nizhegorodskoj pis'mennosti XVII v. (na materiale proizvedenij protopopa Avvakuma). Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Nizhnij Novgorod, 1997.
- Vilinskij G. S.* Zhitie sv. Vasilija Novogo v russkoj literature. Odessa, 1911. Ch. 2: Teksty Zhitija. 1018 s.
- Vinogradov V. V.* O zadachah stilistiki. Nabljudenija nad stilem Zhitija protopopa Avvakuma // Russkaja rech': Sborniki statej / Pod red. L. V. Shcherby. Pg., 1923. [Ch] I. S. 195—293 (Trudy foneticheskogo instituta praktičeskogo izučenija jazykov / Pod red. I. E. Gillelsona).
- Vinogradov V. V.* K izučeniju stilja protopopa Avvakuma, principov ego slovopotreblenija // TODRL. M.; L., 1958. T. 14. S. 371—379.
- Vinogradov V. V.* Russkij jazyk. (Grammatičeskoe učenje o slove). Učebnoe posobie dlja vuzov / Otv. red. G. A. Zolotova. 3-e izd., ispr. M., 1986. 640 s.
- Gashneva [Novikova] M. V.* Nastojashčee istoričeskoe sobytijnoe: ustnoe povestvovanie i knižnaja tradicija // Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 9. Philology. 2012. N 3. S. 103—109.
- Gorbunova E. A. (Mishina).* Funkcionirovanie nastojashčego istoričeskogo v vostochnoslavjanskih pamjatnikah XI—XV vekov // AION Slavistica. Annali dell'Istituto universitario Orientale di Napoli. Sezione Slavistica, Napoli, 2000. Vol. 5 (1997—1998). P. 247—285.
- Gorshkova K. V., Haburgaev G. A.* Istoričeskaja grammatika russkogo jazyka. Učebnoe posobie dlja universitetov. M., 1981. 359 s.

Gusev V. E. Protopop Avvakum Petrov — vydajushchijssja russkij pisatel' XVII veka // Zhitie protopopa Avvakuma im samim napisannoe i drugie ego sochinenija / Pod red. N. K. Gudziya, podgot. teksta i komment. N. K. Gudziya, V. E. Guseva, A. S. Eleonskoj, A. I. Mazunina, V. I. Malysheva, N. S. Sarafanovoj. M., 1960. S. 5—51.

Demkova N. S. Zhitie protopopa Avvakuma. (Tvorcheskaja istorija proizvedenija) / Otv. red. V. P. Adrianova-Perec. L., 1974. 168 s.

Demkova N. S. Sochinenija protopopa Avvakuma i publicisticheskaja literatura rannego staroobryadchestva. Materialy i issledovanija. SPb., 1998. 329 s.

Droblenkova N. F. Rannjaja redakcija Zhitija Epifanija // TODRL. L., 1974. T. 29 S. 223—242.

Duhanina A. V. Morfologicheskie normy v sochinenijah Epifanija Premudrogo (sistema glagola). Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2008. 396 s.

Zhivov V. M. Istoriya jazyka russkoj pis'mennosti. M., 2017. T. 1. 816 s.

Zhitie protopopa Avvakuma im samim napisannoe i drugie ego sochinenija / Pod red. N. K. Gudziya; Podgot. teksta i komment. N. K. Gudziya, V. E. Guseva, A. S. Eleonskoj, A. I. Mazunina, V. I. Malysheva, N. S. Sarafanovoj. M., 1960. 480 s.

Zaliznjak A. A., Shmelev A. D. Lekcii po russkoj aspektologii. München, 1997. (Slavistische Beiträge / Begr. A. Schmaus; Hrsg. P. Rehder. Bd. 353. Studienhilfen. Bd. 7).

Ivanova M. V. Drevnerusskaja agiografija konca XIV—XV vekov kak istochnik istorii russkogo literaturnogo jazyka. Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. M., 1998. 43 s.

Ivanova M. V. Drevnerusskie zhitija konca XIV—XV vekov kak istochnik istorii russkogo literaturnogo jazyka. M., 1998. 232 s.

Ivanova M. V. Razgovornyje komponenty v structure drevnerusskikh literaturnyh tekstov seređiny XV v. // Vestnik RUDN. Ser. Lingvistika. 2013. N 28. S. 5—11.

Karmanova O. Ja. Avtobiograficheskaja zapiska solovetskogo inoka Epifanija (k probleme motivacii teksta) // Staroobryadchestvo v Rossii (XVII—XX vv.). M., 1999. S. 255—260.

Kretov A. A. Slavjanske etimologii. Voronezh, 2009.

Krushel'nitskaja E. V. Avtobiografija i zhitie v drevnerusskoj literature. (Issledovanija i teksty). SPb., 1996.

Lihachev D. S. Poetika drevnerusskoj literatury. 2-e izd., dop. L., 1971. 414 s.

Martirij Zelenetskij i osnovannyj im Troickij monastyr' / Izd. podgot. E. V. Krushel'nitskoj. SPb., 1998.

Mathauzerova S. Funktsija vremeni v drevnerusskikh zhanrah // TODRL. M.; L., 1972. T. 27. S. 227—235.

Mathauzerova S. Drevnerusskie teorii iskusstva slova. Praha, 1976. 145 s.

Merkulova M. V. Rechevaja struktura obraza avtora v Zhitii protopopa Avvakuma // TODRL. L., 1977. S. 319—331.

Mishina E. A. Nastojashchee istoricheskoe v vostochnoslavjanskikh pamjatnikah XI—XV vekov // Drevnie jazyki i sisteme universitetskogo obrazovanija. Issledovanie i prepodavanje. M., 2001. S. 197—212.

Novikova M. V. Osobennosti narrativnyh funkcij vido-vremennyh form v severnorusskikh bylinah v sopostavlenii s pamjatnikami russkoj pis'mennosti XII—XVII vv. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2016.

Paducheva E. V. Semanticheskie issledovanija. Semantika vida. Semantika vremeni i vida v russkom jazyke. Semantika vremeni v narrative. 2-e izd., ispr. i dop. M., 2010. 480 s.

Pentkovskaja T. V. Nastojashchee istoricheskoe v Chudovskoj redakcii Novogo Zaveta // Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 9. Philology. 2008. N 4. S. 9—29.

Perepiska Andreja Kurbskogo s Ivanom Grozным / Tekst podgot. Ja. S. Lur'e, Ju. D. Rykov. L., 1979.

Pikkio R. Slavia Orthodoxa. Literatura i jazyk / Otv. red. N. N. Zapol'skaja, V. V. Kalugin; Red. M. M. Sokol'skaja. M., 2003. 720 s.

Pluhanova M. B. Kommentarii // Pustozerskaja proza. Sbornik / Sost., predisl., komment., per. ot del'nyh fragmentov M. B. Pljuhanovoj. M., 1989. S. 312—364.

Pluhanova M. Tradicijnost' i unikal'nost' sochinenij protopopa Avvakuma v svete tradicii Tret'ego Rima // Christianity and the Eastern Slavs. Berkeley; Los Angeles; Oxford,

1993. Vol. 1: Slavic Cultures in the Middle Ages / Ed. B. Gasparov, O. Raevsky-Hughes. P. 297—326. (California Slavic Studies. Vol. 16: Slavic Culture in the Middle Ages).
- Povesti o zhitii Mihaila Klopskogo / Podgot. tekstov i stat'i L. A. Dmitrieva. M.; L., 1958.
- Ponyrko N. V.* Kirillo-Epifanievskij zhitijnyj cikl // TODRL. L., 1974. T. 29. S. 154—169.
- Prepodobnyi Eleazar, osnovatel' Svjato-Troickogo Anzerskogo skita / Izd. podgot. S. K. Sevast'janova. SPb., 2001. 448 s.
- Pustozerskij sbornik. Avtografy sochinenij Avvakuma i Epifanija / Izd. podgot. N. S. Demkova, N. F. Droblenkova, L. I. Sazonova. L., 1975.
- Ranchin A. M.* Avtobiograficheskie povestvovanija v ruskoj literature vtoroj poloviny XVI—XVII vv. Povešt' Martirija Zeleneckogo, Zapiska Eleazara Anzerskogo, zhitija Avvakuma i Epifanija. Problema zhanra // Ranchin A. M. Vertograd zlatoslovnij. Drevnerusskaja knizhnost' v interpretacijah, razborah i kommentarijah. M., 2007. S. 233—247.
- Robinson A. N.* Avvakum and Epifanij. (K istorii obshčenija dvuh pisatelej) // TODRL. M.; L., 1958. S. 391—403.
- Robinson A. N.* Zhizneopisanija Avvakuma i Epifanija. Issledovanie i teksty / Otv. red. N. K. Gudzij. M., 1963. 316 s.
- Rudi T. R.* Vygovskoe Zhitie inoka Epifanija (publikacija teksta) // TODRL. SPb., 2017. T. 65. S. 495—542.
- RIB. L., 1927. T. 39. (Pamjatniki istorii staroobrjadčestva XVII v. Kn. 1. Vyp. 1). XCVII s. + 960 stb.
- Russkaja grammatika / Gl. red. N. Ju. Shvedova. M., 1980. T. 1: Fonetika. Fonologija. Udarenie. Intonacija. Slovoobrasovanie. Morfologija. 784 s.
- Semakov V. V.* O stilisticheskoj markirovannosti aorista i imperfeka v jazyke Zhitija protopopa Avvakuma // TODRL. L., 1985. T. 39. S. 404—409.
- Tjunjaeva D. B.* Zhitie Andreja Jurodivogo v slavjanskom perevode XIV veka: osobennosti jazyka i perevodcheskoj tehniki. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2008.
- Uspenskij B. A.* Istorija russkogo literaturnogo jazyka (XI—XVII vv.). 3-e izd., ispr. i dop. M., 2002. 558 s.
- Uspenskij sbornik XII—XIII vv. // Izd. podgot. O. A. Knjazevskaja, V. G. Dem'janov, M. V. Ljapon; Pod red. S. I. Kotkova. M., 1971. 753 s.
- Chernov V. A.* Sistema glagol'nyh form v «Zhitii» Avvakuma // Lingvističeskij sbornik. Sverdlovsk, 1963. Vyp. 1. S. 45—70.
- Sheveleva M. N.* Sostojanie grammatičeskoj normy upotreblenija vido-vremennyh form glagola v knizhno-literaturnom jazyke Severo-Vostočnoj i Severo-Zapadnoj Rusi XV—XVI vv. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1986. 327 s.
- Shmid V.* Narratologija. M., 2003. 312 s.
- Timberlake A.* Avvakum's Aorists // Russian Linguistics. 1995. Vol. 19. P. 25—43.
- Hunt P.* The Autobiography of the Archpriest Avvakum. Structure and Function // Ricerche Slavistiche. 1975/1976. Vol. 27/28. P. 155—176.